

Вячеслав Юрьевич Коротин
Броненосцы победы. Топи их всех!
Серия «Броненосцы победы», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3702935
Броненосцы победы. Топи их всех!: Якуза : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55867-4

Аннотация

В нашей реальности корабли 1-й Тихоокеанской эскадры, осенью 1904 года блокированные японцами в Порт-Артуре, погибли бессмысленно и бесславно, будучи расстреляны осадной артиллерией прямо на рейде, в родной гавани...

В этом фантастическом боевике русские броненосцы с боем прорываются из ловушки на соединение с эскадрой адмирала Рожественского, чтобы дать генеральное сражение японскому флоту, переиграть Цусиму и переписать историю набело, превратив былую трагедию в одну из самых славных побед русского оружия. Мало свести эту битву вничью, нас не устраивает даже «победа по очкам» – «самураев» надо разгромить наголову, отправив на дно любой ценой! Топи их всех!

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Эпилог первой части	29
Часть вторая	30
Глава 1	30
Глава 2	47
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вячеслав Коротин

Броненосцы победы. Топи их всех!

От автора

Ну вот и получилась у меня «большая форма». Как получилась – судить читателям.

Но в любом случае выражаю огромную благодарность всем, кто помогал советами и информацией. Я ведь думал, что в данной теме знаю почти все... Ан нет. С каждым написанным килобайтом убеждался, что знаю катастрофически мало. И если бы не вы – никогда бы книга не состоялась. Благодарен всем, но особенно тем, кто не пожалел времени и сил, чтобы помочь мне на протяжении этих полутора лет:

Глебу Дойникову

Владимиру Изрицкому

Антону Филонову

Борису Надеру

Сергею Пальмину

Сергею Акимову

Без любого из них этой книги точно бы не было.

И хочется, чтобы это было не зря. Мужчины! Давайте жить так, чтобы никогда не стали актуальными строки:

Брызнуло красным в лицо планет.

Как это вечно и как знакомо.

Радуйтесь! Рыцарей больше нет!

Мир и спокойствие вашему дому.

(А. Беянин)

Пролог

Порт-Артур. Сентябрь 1904 года

Война шла уже восьмой месяц и сложилась для России удивительно неудачно. С первых же ее минут словно злой рок преследовал русских: еще до объявления войны внезапной атакой японских миноносцев были выведены из строя крейсер «Паллада» и два лучших броненосца артурской эскадры – «Цесаревич» и «Ретвизан». В корейском порту Чемульпо героически погибли новейший крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». А буквально через несколько дней подорвались на своих же минах и утонули крейсер «Боярин» и минный транспорт «Енисей»...

С приездом нового командующего Тихоокеанским флотом Степана Осиповича Макарова эскадра начала оживать и появилась надежда на благополучный исход войны. Но Фортуна очередной раз посмеялась над русскими: наскочил на мину и затонул броненосец «Петропавловск», вместе с ним погиб и адмирал Макаров. Даже гибель двух японских броненосцев в начале мая мало изменила расклад сил на море: все равно японский флот имел подавляющее преимущество. И вскоре армия Страны восходящего солнца, высадившись под Бицзыво, отрезала Порт-Артур от России. Крепость была блокирована, и надежды на то, что ей поможет русская армия из Маньчжурии, становилось все меньше и меньше. В конце июля артурская эскадра попыталась пробиться из осажденной крепости во Владивосток, но снова не повезло. Когда японцы были уже готовы отступить, удачное попадание вывело из строя русский флагман, и тот, потеряв управление, смешал строй всей эскадры. Кораблям пришлось вернуться в осажденную крепость. Но вернулись не все: погиб попытавшийся прорваться во Владивосток крейсер «Новик», были задержаны до конца войны пробившиеся в нейтральные порты броненосец «Цесаревич», крейсера «Аскольд» и «Диана». Так что силы русских уменьшились еще больше, и было решено уже не делать попыток прорыва: все внимание теперь уделялось только сухопутной обороне Порт-Артура.

И вот теперь, в сентябре 1904 года, осаждающие японские войска получили германские одиннадцатидюймовые гаубицы¹. Их снаряды настолько мощны, что ни перекрытия крепостных укреплений, ни палубы кораблей в гавани не являются для них препятствием. Первые выстрелы этих орудий означают то, что оставшиеся броненосцы и крейсера первой тихоокеанской эскадры вскоре ждет неминуемая гибель, а затем, скорее всего, подъем и воскрешение под японским флагом после падения блокированной и с суши, и с моря крепости...

Во многом следствием этого стало самое позорное поражение русского флота – разгром при Цусиме.

А если бы немного решительности, немного смекалки русскому руководству, умения принять решение... Ну и удачи, конечно. Сколько раз уже Фортуна не просто улыбалась, а хохотала навзрыд в лицо японцам. Не могло это продолжаться бесконечно, когда-нибудь должна она была улыбнуться и русским. Не хватало только умного, решительного, инициативного и смелого адмирала...

Самое обидное, что такой ведь был. Именно такой, который в бытность свою, командуя крейсером, не боялся на нем одним атаковать весь японский флот. Вот только в реальной истории мужества принять решение ему не хватило...

¹ Калибры пушек в то время показывали, как правило, в дюймах. В привычной метрической системе основные калибры: 75 мм – 3 дюйма, 152 мм – 6 дюймов, 203 мм – 8 дюймов, 254 мм – 10 дюймов, 280 мм – 11 дюймов, 305 мм – 12 дюймов. При этом разрушительная мощь снарядов росла куда быстрее калибра – скажем, двенадцатидюймовый снаряд был почти в сто раз мощнее трехдюймового и мог, например, в буквальном смысле разорвать на куски несколько современных танков одним попаданием. (Здесь и далее примечания автора.)

Часть первая Порт-артурский гамбит

Глава 1 В западне

2.09.1904

«Мой «Баян», – с тоскою подумал Роберт Николаевич Вирен, проходя на адмиральском катере мимо крейсера. – Сколько лет...» – У всем известного службиста и бывшего лихого командира одного из самых активных кораблей артурской эскадры повлажнели глаза.

«Черт! Ведь японцам достанется! Ну хана Артуру, если не завтра, так через месяц-два. И мой крейсер... Ну нет! Сам на нем проскочу! Хоть и без всей эскадры.

А почему без эскадры? Не шаланды все-таки под командой. Броненосцы, черт побери! Нас меньше, мы слабее, но не тонуть же в этой луже... Боя с японцами не выдержать – или перетопят, или побьют так, что уже не бойцами будем. Причем с минимальными повреждениями для себя. Выходит вторая эскадра, но без нашей она явно слабее японского флота, да и опыта у них никакого. Если бы соединиться... Но в Артуре мы ее не дождемся. Сколько бы ни хорохорилось сухопутное начальство – Артуру конец. Надо спасать корабли. И «Баяна», – оглянувшись на четырехтрубного красавца командующий порт-артурской эскадрой. – Ну ведь не пройти японцев с утра, успеют перехватить почти сразу. Если к вечеру начать прорыв, то встретят чуть ли не за самыми минными полями всеми силами. Чёртовы приливы! – пока эскадру выведешь, Того уже рядом будет. Выведешь заранее – на внешнем рейде торпеду получить можно, да и опять же японцы далеко уходить не будут. Нужны три-четыре часа форы. Вечером. Как воздух нужны эти несколько часов. И тогда всё становится реальным. Вот если бы... В общем, ясно одно – нужно что-то предпринимать, действовать».

Вспомнилась охота на волков, в которой он участвовал в юности: первая гончая догнала волка, он остановился и рычит, хотя мог бы перекусить ей хребет и удирать к своей стае. Но нет, стоит, пугает. Постепенно подбегает вся свора, окружает. А потом подходит охотник и поднимает ружье...

«Неужели и мы уподобимся этому волку?

Чего боюсь? Нагоняя из-под Шпица? Я ведь не боялся с одним только «Баяном» всю японскую эскадру атаковать. Не боялся смерти и испугаюсь нагоняя? – Черта с два!»

Поднявшись на борт «Ретвизана», Вирен подозвал флаг-офицера и приказал: «Передайте всем командирам кораблей первого ранга приказ лично явиться на совещание в адмиральский салон «Ретвизана» завтра к двум часам пополудни».

4.09.1904. Борт «Ретвизана».

Совещание флагманов и командиров кораблей

– Господа! Оставаться в Артуре – значит погубить корабли и, возможно, подарить их японцам. Выйти в море необходимо в любом случае и не просто выйти, а либо прорваться, либо нанести японцам максимальный ущерб, пусть и ценой своей гибели.

Пусть будет перетоплена вся эскадра, но если мы сможем уничтожить хоть один японский броненосец, то это уже значительно лучше, чем быть потопленными на рейде и стать японскими трофеями. – Роберт Николаевич Вирен обвел взглядом офицеров и адмиралов, собравшихся в салоне «Ретвизана». Он понимал, что данное совещание будет не просто раз-

говором о проблемах и перспективах. Предстоит выдержать бой. Со своими. Недовольных будет немало, хоть и по разным причинам.

– Эскадра выйдет. Это приказ! Четыре броненосца и два крейсера. Все, кроме «Севастополя», который как самый тихоходный и небоеспособный корабль в прорыве участвовать не будет. Часть его пушек пойдет на доукомплектацию остальных кораблей...

– Ваше превосходительство! Это совершенно невозможно! – Просто удивительно как быстро побагровели лицо и залысины командира «Севастополя» Эссена. Казалось, что из глаз капитана первого ранга вот-вот брызнут слезы.

– Совершенно невозможно, Николай Оттович, перебивать вашего начальника. И успокойтесь. Я прекрасно понимаю, почему вы так разволновались. Беспокойтесь о том, что война пойдет без вашего участия? Не дождетесь. Такими командирами я разбрасываться, конечно, не буду. Командир «Пересвета» Бойсман серьезно ранен, поэтому «Пересвет» примете вы. А по поводу «Севастополя» – вопрос решенный. Нужно иметь хоть и меньше кораблей, но чтобы они были полноценными боевыми единицами. Нам важен каждый лишний узел, каждая пушка. Орудия «Севастополя» нужны на других судах, а со своими тринадцатью узлами² он будет гирей на ногах отряда. Вы, конечно, можете отказаться от нового назначения, но я почему-то уверен, что вы этого не сделаете. Я неправ? – Вирен с легкой усмешкой посмотрел на командира «Севастополя».

– Ваше превосходительство! Но ведь «Севастополь» – это...

– Да или нет? Николай Оттович, еще многое нужно обсудить. Судьба вашего корабля не обсуждается. Вы принимаете «Пересвет»?

– Принимаю. Но разрешите взять с собой некоторых офицеров.

– Не некоторых, а всех, кого сочтете необходимым. Пусть на вашем новом броненосце их будет несколько сверх комплекта, но они всегда пригодятся в бою. Этот вопрос можно считать решенным? Тогда я продолжу.

– Простите, Роберт Николаевич, – подал голос контр-адмирал Ухтомский. – А вы что, имеете приказ наместника на прорыв?

– Разумеется, нет. Каким образом я мог бы его получить в осажденной крепости? Я принимаю решение сам, как старший морской начальник в Артуре. И отвечать за это решение буду сам. – Вирен начал нервничать. – Поймите, оставаться здесь – значит гарантированно погубить эскадру. А то и подарить ее японцам. Есть другие варианты?

– Ваше превосходительство, – подал голос командир «Паллады» Сарнавский, – но ведь наши матросы нужны для обороны Артура. Не сочтет ли сухопутное начальство это трусостью?

– Вы еще басню про кроликов и собак вспомните, – начал злиться Вирен. – Сколько адмиралов уже погибло в бою? Трое! А сколько генералов было хотя бы поцарапано в Артуре? Ни одного! Не Стесселю обвинять в трусости моряков. И идем мы в бой, а не бежим от врага. Крепости к тому же будут переданы пушки, боеприпасы со всех кораблей, не представляющих ценности в дальнейшей войне. «Забияка» и компания точно не нужны ни в прорыве, ни в море вообще. Этот вопрос с командирами соответствующих кораблей я урегулирую сам. Кто хочет высказаться по поводу прорыва из Артура? – Вирен обвел взглядом подчиненных. – Но предупреждаю, что это дело решенное. Я готов выслушать все предложения о том, как совершить это с большими шансами на успех, но не аргументы, почему этого делать не следует.

² Узел – единица измерения скорости корабля. Один узел – одна морская миля в час. Значительно удобнее измерять скорость именно в «милях в час», а не в привычной метрической системе, так как одна морская миля – это длина минутной дуги меридиана, и по карте, при измерении расстояний, несравненно удобнее использовать именно мили, а не километры. Одна десятая часть мили (когда речь идет об относительно небольших расстояниях) называется «кабельтов».

– Я однозначно «за»! – подал голос новый командир «Баяна» Иванов. – Если и не все смогут уйти, то хоть кто-то. Все лучше, чем затонуть в артурских лужах.

«Ты-то на таком крейсере уйдешь, а нам воду глотать придется, – с неприязнью подумал про себя Ухтомский. – Хотя...»

– Роберт Николаевич, я тоже за прорыв, но, как я понимаю, из адмиралов в него идем только мы с вами? На четыре броненосца два адмирала будет много, разрешите принять крейсера?

Командир «Баяна» испуганно посмотрел на Вирена. Идти в бой под руководством такого адмирала, как Ухтомский, ему не хотелось категорически.

Вирен тоже понял ход мыслей своего младшего флагмана: «Баян» со своей скоростью мог уйти от любого японца, кроме пары легких крейсеров, с которыми ему вполне по силам было справиться.

– Не жалко с «Пересветом» расставаться, Павел Петрович? С начала войны ведь на нем.

– Да привык, конечно, – не отводя глаз и не дрогнув голосом, ответил Ухтомский, – но ведь руководить нужно и крейсерским отрядом.

– Хорошо, я не возражаю.

– Ваше превосходительство! Мы, конечно, выйдем, но шансов в бою у нас против Того практически нет. В июле, имея «Цесаревич», «Севастополь» и три крейсера вдобавок к тому, что имеется сейчас, мы были разбиты. Сейчас японцы не слабее, чем были. Какие у нас шансы? – Командир «Полтавы» Успенский был слегка смущен, но не боялся смотреть в глаза Вирена. – Объясните, как мы сможем прорваться в таких условиях. И куда мы пойдём?

– Знаете, господа, я и сам еще не решил, – схитрил Вирен. – Но уходить отсюда надо обязательно. Там посмотрим, во Владивосток ли, навстречу эскадре Рожественского, или даже в нейтральный порт, на интернирование. Как говаривал Наполеон: «Главное ввязаться в бой, а там – посмотрим...»

И еще. Иван Петрович, неприятно это говорить, а вам еще неприятней слушать, но хочу вас предупредить: если Того будет нагонять нас превосходящими силами, если боя будет не избежать, то вашу «Полтаву» мы бросим. Да, да, господа! – повысил голос Вирен на возмущенный гул командиров кораблей. – Важнее всего сейчас сберечь ядро эскадры, соединиться либо с владивостокским отрядом, либо с Рожественским. От этого может зависеть судьба войны. И если для этого потребуется пожертвовать кораблем и сотнями жизней – я это сделаю. А чтобы не было пересудов... Я попрошу поднять свой флаг на «Ретвизане» адмирала Ухтомского. А сам пойду с «Полтавой».

«Вот же черт! – выругался про себя Ухтомский. – Опять! Почему этот выскочка, который и адмирала-то получил меньше месяца назад, заставляет меня, Рюриковича, делать то, что ему заблагорассудилось?»

– Совершенно излишне, Роберт Николаевич, – слегка смущенным голосом заговорил Успенский. – Я прекрасно понял вашу мысль и полностью с ней согласен. Не беспокойтесь, раз уж «Полтава» не сможет убежать вместе со всеми, то задержать японцев мы сможем.

– Не надо так мрачно, Иван Петрович, я очень надеюсь, что сможем пройти без боя, есть кое-какие мысли.

– Так поделитесь, пожалуйста, Роберт Николаевич, – подал голос Зацаренный, командир броненосца «Победа». – Что-то пока мне кажется малореальным неожиданный прорыв из Артура. Японская эскадра рядом, их крейсер и миноносцы постоянно дежурят у крепости – как только мы начнем выбираться с внутреннего рейда, это будет обнаружено. Того будет здесь раньше, чем корабли успеют выйти на внешний рейд.

– Да, я тоже об этом подумал, Максим Васильевич, но представьте, что Того каждый день будет получать такую информацию. Каждый день срываться всеми силами со своей базы и мчаться к нам. Расходовать уголь, ресурс механизмов... Я знаю, что у японцев нервы

крепкие, но ведь они тоже люди. К тому же скоро, вероятно, начнется обстрел внутреннего рейда из свежеприбывших одиннадцатидюймовых мортир, и в светлое время суток вряд ли эскадре стоит находиться на внутреннем рейде во избежание случайных попаданий такого калибра. Каждый день в высокую воду мы будем выходить на внешний рейд, тралящий караван каждый день будет работать в фарватере выхода, почти каждый день наши миноносцы будут выставлять остатки мин на подходах. Посмотрим, у кого нервы крепче.

Возражения будут?

– Роберт Николаевич, но ведь ежедневные выходы на внешний рейд – это весьма реальный шанс наскочить на мину.

– Да, Федор Николаевич, шанс есть, но это и наш единственный шанс проскочить. Я обращаюсь ко всем вам, господа. Если есть возражения, прошу высказать их здесь и сейчас. Итак?

– Я за прорыв. – В голосе Эссена звучала твердая решимость.

– Спасаем свои корабли для будущей войны. Без нас Балтийская эскадра может и не справиться. Даже наверняка не справится. По-моему, несомненно нужно попытаться, – подал голос командир «Баяна». Остальные командиры кораблей высказались менее эмоционально, но все были «за».

– Ну что же, господа, не задерживаю вас больше и прошу, вернувшись на свои корабли, посмотреть и подумать, что в них можно улучшить для предстоящей операции. Поговорите со своими офицерами и командами. Все. Все свободны. Но я прошу задержаться Николая Оттовича и Федора Николаевича.

Когда остальные командиры эскадры покинули адмиральский салон, Вирен с легкой улыбкой обратился к капитанам первого ранга:

– Ну что, господа, как вы расцениваете наши шансы?

– Как бы невелики они ни были, их нужно использовать, ваше превосходительство. А почему вы задаете такой вопрос?

– А потому, Николай Оттович, что если мы попытаемся проломиться открытой силой – далеко не уйдем. Не та сила у нас. Японцев больше, они сильнее и быстрее. Боя нам не выдержать, незамеченными не выйти. Но вот возникла одна мысль... Прошу вас с вашими минными офицерами и инженерами прибыть ко мне сюда завтра к половине первого.

8.09.1904. Штаб командующего Квантунским укрепрайоном

Генерал-лейтенант Стессель, командующий Квантунским укрепрайоном, был ошарашен. Он не знал, радоваться ему только что услышанным словам или наоборот. С одной стороны, он давно хотел избавиться от морского начальства и эскадры, с другой – без моряков крепость долго не протянет. Вернуть на корабли десанты, пушки (кстати, не так уж много Вирен просит вернуть пушек), боеприпасы. Крепость долго не удержать, а отвечать придется ему – Стесселю Анатолию Михайловичу. Но тут появляются ещё всякие нюансы: флот забрал защитников крепости – какой спрос в этом случае с генерала, у которого отняли значительную часть бойцов, часть артиллерии и боеприпасов. К тому же японцы, если эскадра уйдёт, возможно, ослабят натиск на Порт-Артур, и можно будет некоторое время воевать не с таким напряжением...

– Генералы Белый, Кондратенко, Смирнов, Фок и начальник моего штаба полковник Рейс скоро придут, но вы меня удивили, ваше превосходительство. На позициях бои, и я не представляю, как мы можем снять с фортов и прочих укреплений сотни матросов, их обороняющих.

– Давайте подождем господ генералов, чтобы мне не повторять одно и то же несколько раз, – сухо предложил Вирен.

Когда все приглашенные генералы собрались, Стессель открыл совещание:

– Господа, я собрал вас по просьбе Роберта Николаевича, поэтому предоставляю ему слово.

– Спасибо! – встал адмирал. – Я хочу вам сообщить, что эскадра попытается прорваться из Артура. Здесь ее ждет неминуемая гибель и, возможно, воскрешение под японским флагом. Да, Анатолий Михайлович, несмотря на стойкую оборону крепости, она может пасть, и тогда русские корабли неминуемо погибнут. А они еще должны принести пользу России, поэтому я принял решение прорываться.

Я догадываюсь, что Роман Исидорович и Василий Федорович не в восторге от перспективы вернуть на корабли матросов и не получить с эскадры больше пушек и снарядов, а некоторые орудия придется даже вернуть... Нет-нет, Василий Федорович, не с сухопутного фронта, успокойтесь. Только пушки «Ангары», которые на береговой батарее. Ну и еще некоторое количество трех-шестидюймовых орудий.

Со мной уйдут все боеспособные корабли, но могу утешить – я отдаю на «растерзание» крепости «Забияку», клиперы «Джигит» и «Разбойник», небоеспособных «Боевого» и «Разящего». Их пушки и значительная часть экипажей может быть передана крепости.

– Роберт Николаевич, вы в самом деле надеетесь прорваться? – недоверчиво спросил Роман Исидорович Кондратенко командующего артурской эскадрой. – Ведь у Того огромное превосходство в силах. Без пользы для России могут погибнуть сотни, а то и тысячи матросов и офицеров, которые способны принести пользу родине в крепости.

– Поверьте, мы не идем на убой, – поспешил успокоить генерала Вирен. – Шансы прорваться не так уж малы, а тонуть в артурских лужах ни у меня, ни у других моряков нет никакого желания.

– Вы собираетесь во Владивосток? – поинтересовался Белый. Василий Федорович Белый, командующий артиллерией крепости, был более всех заинтересован в корабельных пушках, но понимал, что настаивать сейчас будет бесполезно. К тому же он надеялся в приватной беседе с Виреном выцыганить с эскадры достаточно средств, чтобы не пострадала сухопутная оборона крепости.

– Возможно, все будет зависеть от японцев. И вообще от того, как сложится ситуация на море. Но если во Владивосток не получится – пойдем навстречу второй эскадре или даже просто в океан на японские коммуникации. Возможно все, чего сейчас загадывать. А вам, Василий Федорович, мы, не считая орудий со старых и малобоеспособных кораблей, передадим с прорывающихся броненосцев и крейсеров по десятку-другому малокалиберных пушек вместе с расчетами, так что противотурмовая артиллерия ваших укреплений будет даже усилена по сравнению с имеющейся ситуацией.

– Да, но крупные пушки сейчас тоже необходимы. – Белый усмехнулся в усы, видя, что не ошибся в своих ожиданиях, но хотелось получить с моряков по максимуму.

– Крупные пушки необходимы в первую очередь на кораблях. Но «Севастополь» мы, вероятно, оставим в Артуре, сняв с него несколько крупных пушек для доукомплектации других кораблей. Если останутся лишние шестидюймовки – передадим вам.

– Роберт Николаевич, а что с запасами флотского продовольствия? – подал голос полковник Рейс. – Ведь на эскадру не потребуется так уж много, недельного запаса будет достаточно, я думаю, а крепость уже на полуголодном пайке. Не поделитесь?

– Ну нам, возможно, вообще придется уйти в океан, а там со снабжением неважно, но полных запасов мы с собой брать не будем. Однако адмирал Григорович, начальник порт-артурского порта, мне не подчинен, договаривайтесь с ним сами.

Из воспоминаний адмирала Вирена

(печатается по книге Вирен Р. Н. Бури всех океанов. – Петроград, Военмориздат, 1938 г.)

В последующие после заседания у Стесселя пару недель мне пришлось не раз убедиться, что если уж без труда и рыбку из пруда не вытащить, то забрать у Фока орудия и людей – задача и вовсе – титаническая...

Несмотря на героическое прошлое и смелость генерала Фока, будучи наслышан о его довольно-таки своеобразной манере выполнения приказов еще со времени боев на Перешейке, я взял себе за правило ежедневно справляться о ходе работ. Однако на каждый мой запрос день за днем следовали ответы в духе:

- Роберт Николаевич, мы делаем все возможное!
- Работы уже идут!
- Планы подготавливаются!

Через несколько дней ответы пошли по второму кругу, и мне стало окончательно ясно, что никаких реальных работ не идет, и если все оставить как есть, то дело закончится по старой русской традиции: «Время ушло, орудий нет и виноватых нет».

Честно говоря, руки так и чесались отправить генерала под арест, и, клянусь, проходи он по морскому ведомству, в Порт-Артурской крепости появился бы первый высокопоставленный заключенный! Но так как он мне напрямую не подчинялся, я решил прибегнуть к испытанному противобюрократическому средству и отправил оформленный согласно всем циркулярам официальный письменный запрос с отсылкой копии Стесселю. Полученный на другой день ответ, за исключением обширной приветственной части, гласил:

«...наши солдаты ведут оборону в виду неприятеля, и поэтому работы по перевозке орудий должны быть тщательно организованы при надлежащей обстановке и безусловном исполнении соответствующих инструкций, так что не следует допускать чрезмерной спешки, могущей оказать дурное влияние как на способность к обороне, так и на самый боевой дух наших войск, что, однако, не снижает важности поставленной задачи и необходимости противостоять врагу как на морском, так и на сухопутном фронте согласно полученным распоряжениям, что, безусловно, включает и выполнение поставленной Вами задачи».

– Вот же люди! – невольно вырвалось у меня, когда после третьего перечитывания письма я понял, что за мишурой красивых слов в нем не скрывается ни слова по делу... Это был классический «хлюст». Стало ясно, что через Фока мне это дело не решить, и, уже наученный горьким опытом, я тут же принялся писать письмо Стесселю, в надежде, что тот не сможет уклониться от собственного обещания. Однако тот указал, что за эти работы отвечает Фок, и согласно его докладам они продвигаются со всей возможной поспешностью!

Сказать, что в тот вечер я был в ярости – это значит ничего не сказать... Каюсь, из-за такого состояния, как я позже заметил, меня некоторое время старались обходить стороной даже флаг-офицеры. Однако на другой день у меня получилось устроить встречу с генералом Кондратенко, у которого удалось, наконец, узнать, где и сколько наших орудий находится, и даже устно согласовать примерный график их демонтажа и возвращения людей на корабли.

У Стесселя же меня вновь ждало глубокое разочарование – вердикт коменданта укрепления был однозначен: «Кондратенко слишком занят организацией обороны, чтобы его отвлекать, согласуйте все ваши дела с Фоком!» Единственным, чего мне удалось добиться в тот день, было разрешение выехать вместе с Фоком на первую из согласованных с Кондратенко батарей (это была батарея номер шестнадцать) для определения нужной в этом деле помощи флота по месту. Лично уведомив Фока о распоряжении Стесселя, я направился на «Баян», где стал готовиться к завтрашней встрече по своему собственному плану.

На следующее утро шестнадцатая батарея встречала сразу меня, Фока и прибывшего сюда же (по моей просьбе) с инспекцией генерала Кондратенко. И именно здесь, у направленных в сторону моря орудий, состоялся основной разговор с генералом Фоком:

– Александр Викторович, нам совершенно необходимы эти орудия, и как можно скорее. Какие именно вопросы необходимо решить, чтобы передать их на корабли?

После примерно полуторачасового обсуждения всего, что требовалось для перевозки орудий и возвращения людей, я настоял, чтобы результаты совещания были занесены в протокол и тут же подписаны.

И не скрою, что мне доставило огромное удовольствие видеть реакцию обоих генералов, когда я, отослав посыльного к главному артиллеристу с «Баяна», поблагодарил их за проделанную работу и предложил «пойти пообедать, пока орудия грузятся». В этот момент на дороге как раз показалась колонна храбрых моряков-«баянцев», еще с вечера запасшихся в порту всем необходимым и с самого утра ждавших за соседним холмом только приказа начинать.

Сухопутные артиллеристы просто диву давались, как быстро и споро моряки разобрали пушки и лафеты. Все на протяжении часа было погружено на подъехавшие подводы, и морские шестидюймовки отправились в порт.

Фок поскрипывал зубами, но ничего возразить не посмел. Этот раунд мы выиграли. Но сколько таких еще предстояло...

*Из воспоминаний лейтенанта В. К. Де Ливрона 2-го,
старшего артиллерийского офицера крейсера «Баян»*

...Перед прорывом мы не только возвращали на свои места снятые ранее орудия, но и получили разрешение адмирала, при условии, что мы не задержим выход отряда, довооружиться по образцу владивостокских крейсеров, установив над центральным казематом четыре дополнительные шестидюймовые пушки на месте бывших семидесятипятимиллиметровок. Для этих орудий на заводе должны были изготовить легкие противоосколочные казематы, которые для ускорения работ было решено ставить на борт в уже готовом виде при помощи крана.

Чтобы успеть к назначенному сроку, всю следующую неделю ремонт шел день и ночь напролет. А ведь любой современный корабль весь собран на сотнях тысяч стальных заклепок! И малейшая переделка его конструкции – это чадающие переносные жаровни с раскаленными докрасна заклепками и наносимые от всей души удары кувалд, – сначала – чтобы срубить головку старой заклепки, затем – чтобы выбить ее из отверстия, а после – чтобы расклепать новую. Надо ли говорить, что слышать и ощущать всем телом далеко разносящиеся по металлическому корпусу удары – было не самым приятным времяпрепровождением, особенно по ночам. Так что через несколько дней весь экипаж был готов идти хоть на прорыв, хоть на сухопутный фронт, лишь бы только ремонт на казематах поскорее завершился.

К концу недели все штатные шестидюймовые орудия и семидесятипятимиллиметровые пушки в оконечностях заняли свои места и были уже приготовлены на берегу временные казематы. Но в самый последний момент выяснилось, что орудий для нашего довооружения нет: три нещадно использовавшиеся шестидюймовки расстреляны до опасного состояния, а у одной буквально за день до передачи обратно на флот оторвался ствол...

Помню, когда я об этом узнал, у меня целый день в голове крутилась только одна мысль «ну где же взять пушки?» С нею же я и провалился в первый за долгое время не прерываемый непрекращающимися ударами кувалд сон...

...в каком-то туманном мареве многотонное орудие зависло между небом и землей на грузовой стреле.

– Майна! – незнакомый мне дюжий мичман, уверенно руководящий процессом, махнул рукой – и груз стал медленно опускаться на палубу какой-то обтрепанной баржи.

И тут я осознал: «они же забирают МОИ пушки!» Мгновенно оказавшись рядом с кондуктором, я попытался его остановить, но тот даже не стал отвлекаться, сказав только:

– Ваше благородие, вам здесь еще не место... И вообще, вы в накладной не расписались! – и сунул мне в руки какую-то бумагу. Выведенный каллиграфическим почерком документ гласил:

«Настоящим удостоверяется, что Российский императорский флот, в лице лейтенанта Де Ливрона 2-го Виктора Карловича, передает, а Небесная канцелярия, в лице экипажа эскадренного броненосца «Петропавловск», принимает на хранение два 6»/45 орудия Канэ, которые могут быть получены обратно на дне Порт-Артурской бухты не позднее 19 сентября 1904 года.

От Российского императорского флота: лейтенант В. К. Де Ливрон 2-й

От экипажа ЭБР «Петропавловск»: вице-адмирал С. О. Макаров
Заверено:...»

При попытке прочитать подпись заверившего, все вокруг залил яркий свет, и я неожиданно проснулся...

На следующий день, сразу после доклада командиру и посещения корабельного священника, я, во главе портовых водолазов, уже искал утонувшую еще летом от шального японского снаряда баржу с двумя нашими же орудиями. Все работы прошли удивительно гладко, и уже через три дня оба орудия заняли свои места в противоположных углах крыши центрального каземата. Удивительно, но пушки были настолько сохранными и чистыми, что не сразу и верилось, что все это время они пролежали не просто на складе.

Через пару дней об этой истории знал весь экипаж «Баяна», а вскоре – и каждый моряк в Порт-Артуре. Матросы говорили, что Макаров их и сейчас не бросил. С этих пор на крейсере вошло в обычай перед каждым боевым походом служить панихиду в память любимого адмирала и экипажа «Петропавловска», а доставшиеся с таким трудом орудия еще не раз сослужили крейсеру очень хорошую службу.

Вместо двух недостающих орудий были поставлены трехдюймовые пушки, но мы надеялись, что сумеем быстро восполнить этот недостаток во Владивостоке, куда, как все тогда думали, мы будем прорываться. Наконец, за несколько дней до выхода в море все, на первый взгляд, было готово и ничто не предвещало проблем, когда нам сказали, что ознакомиться с результатами ремонта решил сам контр-адмирал Вирен. Впрочем, зная нашего бывшего командира, чего-то такого можно было ожидать.

Уже утром в кают-компании «Баяна» я и еще несколько наших офицеров знакомимся с мнением адмирала, уже успевшего отдельно пообщаться с командиром корабля о проведенном нами ремонте. То есть мы стояли «по стойке смирно» и желали только поскорее куда-нибудь исчезнуть, а адмирал не очень-то и громко, но въедливо рассказывал, что он думает о нас вообще и о проведенном нами ремонте в частности:

– Вас всех, господа, в первый класс Морского корпуса по новой отправлять надо. И то неизвестно, примут ли! Кто вам позволил такой бардак разводить?! Во что вы превратили крейсер, я вас спрашиваю? Что, нельзя было нормально края линолеума обрезать? Что??? Переделаете? Да попробуйте мне только до завтра не переделать! Пойдете вы у меня на берег окопы копать, причем в тех званиях, которые вы действительно заслуживаете!..

Надо ли говорить, что за последующие дни даже временные казематы утратили последние следы спешного монтажа и были начищены, как бляхи на ремнях матросов перед императорским смотром. Но, по моему глубокому убеждению, абсолютный порядок – это, конечно, хорошо, но, как и подтвердили дальнейшие события, лучше бы мы это время потратили на монтаж элеваторов с «Севастополя», которые на момент прорыва пришлось просто сложить на палубе под брезентом, с надеждой закончить работы по их установке позднее.

Глава 2

Прорыв

Сколько раз уже проклял себя Роберт Николаевич Вирен за то, что все-таки решился разворошить это болото. Постоянно какие-то проблемы и препоны. На пустом месте.

То железа не допросишься, то провода изолированного. Утром командиры кораблей докладывают о рапортах младших офицеров, не желающих идти в десант, а вечером уже старшие офицеры добиваются разрешения забрать с собой семьи на эскадру. Сухопутное начальство всеми правдами и неправдами старается задержать десанты... В общем, настоящий девятый вал проблем!

Но что-то все-таки сдвинулось... Сначала молодые офицеры загорелись идеей прорыва, а потом и те, кто постарше, молодость свою мичманскую вспоминать стали. Все больше эскадра стала напоминать ту, которая искрилась энтузиазмом после выхода Макарова на «Новике», когда каждый верил, что наконец-то у нас есть АДМИРАЛ! Конечно, до макаровской популярности Вирену было далеко, но моряки вдруг почувствовали, что есть человек, который может и хочет повести их в бой. И это ценили.

Внешний рейд Порт-Артура

Рассвет наступал медленно. Низкие облака стали едва заметно наливаться светом изнутри, а на западе все еще только угадывались темные громады Золотой горы и Электрического утеса.

Миноносец «Сердитый» терпеливо ждал, пока достаточно рассветет, чтобы можно было спокойно вернуться на базу. Подходить к берегу в темноте было смертельно опасно – после того как в мае береговые артиллеристы приняли японцев, ставящих мины, за свои возвращающиеся миноносцы, а утром на выставленном заграждении подорвались два броненосца, один из которых погиб вместе с командующим эскадрой адмиралом Макаровым, батарейцы были готовы утопить любую тень, до которой только могли дотянуться. Так что приходилось, несмотря на реальную опасность наткнуться на японские миноносцы или выставленные ими мины, дожидаться утра, чтобы спокойно войти в гавань...

Глаза вахтенного офицера Василия Соймонова привычно искали в предрассветных сумерках силуэты японских миноносцев, но его мысли были далеки от этих берегов, уже обильно политых русской кровью...

«... Мне казалось, это было совсем недавно, и все было так похоже – такие же низкие облака и такие же темные в надвигающихся сумерках гранитные набережные... но я точно знал: во всей моей жизни не было более светлого мгновения. Мгновения, которое подарила мне Она и которое теперь освещает все мое существование даже здесь, на другом краю планеты.

Тогда древность моего дворянского рода не могла уравновесить в глазах ее родителей традиционно нищенского в России оклада недавнего выпускника Морского Корпуса, и она осталась ждать моего возвращения с Дальнего Востока, ну или, по крайней мере, получения лейтенантского чина. А тут еще эта трижды проклятая война! Но я буду сражаться, Любимая! Сражаться изо всех сил! Сражаться хотя бы ради тебя и наших будущих детей, ведь если не остановить войну здесь, еще у порога, то вскоре она обязательно попытается протянуть костлявые руки прямо в наш дом...»

Письмо мичмана Василия Соймонова

Дорогая моя Оленька!

Пошел уже четвертый месяц нашей осады. И, если честно, тяжелее всего мне даются совсем не неизбежные здесь опасности и лишения, а невозможность получать твои письма и самому писать, как раньше, почти каждый день.

Не знаю, когда случится оказия, чтобы передать это письмо, но и не поговорить с тобой, хотя бы на бумаге, тоже не могу. Твоими молитвами я вполне здоров, корабль наш также не был пока поврежден, несмотря на частые выходы в море.

Вчера ночью снова ходили ставить мины... До чего дошло – даже в виду собственной базы мы, как воры, крадемся ночами! Похоже, что после того несчастного случая с «Петропавловском» многие на эскадре вовсе разуверились в силе нашего оружия, но на моем миноносце таких настроений, кажется, нет – все, от командира до последнего матроса, готовы сражаться до победы и выжать из корабля все, что только можно. Так что я надеюсь на лучшее... и очень жду твоих писем.

Навеки твой,

В. С.

19.09.1904. Борт крейсера «Кассаги»

– Господин капитан первого ранга, получено радио с «Усугомо»!

– Читайте!

– Русские главные силы выходят из Артура.

«Значит, они все таки решились! И не зря мы который день болтаемся здесь на волнах... А разведчики молодцы – опять в точности все разузнали». – Командир крейсера «Кассаги» Ямайя сам не понимал, рад он этому или нет. Наконец-то унылое патрулирование обрело смысл. Он со своим отрядом обнаружил то, что могло решить судьбу войны.

– Немедленно продублировать адмиралу радиogramму! Курс к Артуру.

Через двадцать минут командир «Кассаги» сам смог увидеть наплывающие с юго-запада дымы. Один, два... много...

– «Ретвизан» головным, «Пересвет» и «Победа», «Полтава», «Севастополь», «Баян», «Паллада», – передавал сигнальщик.

«Действительно, все, – злорадно подумал Ямайя, – даже «Севастополь» взяли с собой, хотя куда ему теперь. Но далеко не уйдут. Два-три часа – и главные силы их настигнут. Жаль, если придется утопить всех в открытом море, ведь они же давно уже наши. Никуда им из Артура не деться...»

– Третий русский броненосец взорвался! – донеслось с фор-марса.

Ямайя бросился на левое крыло мостика и еще успел увидеть, как опадает фонтан воды у борта третьего в строю русского броненосца. Через несколько секунд до «Кассаги» докатился раскат взрыва.

– Русские разворачиваются на обратный курс!

Следующий взрыв вспучился у борта русского флагмана так, что радостные вопли сигнальщика японского крейсера были совершенно излишни для командира.

«Минус два. Все, русские корабли наши», – злорадно ощерился про себя Ямайя.

Русская эскадра ложилась на обратный курс, крен у «Ретвизана» и особенно у «Пересвета» все увеличивался, но корабли уверенно держали строй.

– «Баян»! – просто завопил сигнальщик на «Кассаги». Действительно, у борта русского крейсера взметнулся столб воды, и снова через некоторое время донеслось ставшее уже привычным сегодня БУУММ!

Подрыв еще одного русского броненосца был встречен уже более спокойно, хотя и с радостью. Понятно было, что русские наскочили на мины, выставленные миноносцами этой или прошлой ночью. Но чтобы так удачно... Четыре корабля! Боги страны Ямато явно показывали, на чьей они стороне.

– Русский броненосец переворачивается! Тонет!!

И действительно – громада «Севастополя» (или «Полтавы» – Ямайя с такого расстояния не мог определить, слишком похожи силуэты у этих двух кораблей) медленно ложилась на правый борт, а через некоторое время броненосец перевернулся и ушел на дно. Около места его гибели можно было разглядеть шлюпки и катер, на которых спасалась команда, но, судя по количеству спасательных средств, избежать судьбы своего корабля удалось немногим русским морякам.

– Сигнальщики! Который из русских броненосцев затонул? – нервно крикнул на формарс старший офицер крейсера.

– «Полтава», – донеслось в ответ. – Вентиляционная мачта на уровне труб, кажется. А! На оставшемся русском броненосце – выше труб, значит, уцелел «Севастополь». Точно, «Полтава» утонула.

«Ну что же, – подумал Ямайя. – Еще одна приятная неожиданность, – «Севастополь» почти небоеспособен, так что только один броненосец и один крейсер могут попытаться прорваться в ближайшие несколько недель. Но что-то не верится в то, что они рискнут».

– С «Чидори» докладывают, что русская эскадра собирается у входа на внутренний рейд. – Матрос с поклоном протянул командиру радиogramму.

– Хвала богам! Русские уже больше не посмеют пытаться прорвать нашу блокаду.

Офицеры, находившиеся на мостике, согласно кивнули в ответ на реплику своего командира.

Борт броненосца «Победа»

«Ну что же, где наша не пропадала! Пошли все-таки! А там, глядишь, и повезет», – думал командир «Победы», капитан первого ранга Василий Максимович Зацаренный, когда эскадра, выбравшись с внешнего рейда, стала выстраиваться в кильватерную колонну. Он изначально не очень верил в возможность прорыва, но постепенно всеобщий энтузиазм захватил и его. Японские крейсера-разведчики были заметны на горизонте, и было понятно, что Того уже знает о выходе русских сил в открытое море, но надежда, что прорваться удастся, оставалась. Есть несколько часов, мало ли что может случиться... А вдруг? Да и, в конце концов, погибнуть в морском бою для моряка гораздо более достойно, чем безропотно стоять в своем же порту и ждать снаряд из осадной гаубицы. А они в последние дни уже начали прилетать на внутренний рейд Артура.

Встав в кильватер «Ретвизана», броненосец выровнял скорость, «Пересвет», шедший в струе «Победы», сделал то же самое, за ним «Полтава» и «Севастополь» (зачем взяли с собой этого «инвалида»?). Колонна русских броненосцев уверенно взяла курс на восток.

Главных сил противника не было видно, и хотелось мечтать, что их нет вообще, что они не смогут догнать... Но так же можно мечтать каждое лето... Что зима не придет – ее ведь пока не заметно, не видно, нет никаких признаков... И завтра не будет, и послезавтра... А может, вообще никогда?

Мечтать можно, но зима придет, и придут броненосцы Того, наведенные его крейсерами. Боя не избежать. Бесперспективного боя.

– «Пересвееет!» – донесся вопль сигнальщика, и тут же по барабанным перепонкам ударил раскат недалекого мощного взрыва.

Все находившиеся на мостике немедленно бросились на его левое крыло и увидели, как следующий за ними броненосец, осыпaeмый брызгами воды произошедшего взрыва, медленно вываливается из строя. Заметного крена пока не было, но просто прошло еще не так много времени.

– Да что же это?! – раздался испуганный голос сигнальщика. – Опять?!

– Просто проклятье на нас какое-то! – злобно выдохнул старший штурман.

Остальные, выплеснув эмоции в первые секунды, подавленно молчали.

– Адмирал поднял сигнал о развороте! – продолжал выполнять свои обязанности сигнальщик. – Возвращаемся в Артур.

«Сорвалось! Не получилось. Хотя... Может, и к лучшему. Утопили бы нас японцы – никаких сомнений. И Надя в Артуре осталась...» – заметались мысли в голове Зацаренного.

Рвануло уже под бортом «Ретвизана». Не надо было оборачиваться, чтобы увидеть громадный султан взрыва, взлетевшего выше мачт. Лейтенант Любинский, старший артиллерист корабля, с досады чуть не грохнул о палубу своим цейссовским биноклем. Едва сдержался.

– Отступилась от нас Царица Небесная! – испуганно закрестился сигнальщик.

– Да что же такое! – не выдержал уже и сам командир броненосца. – Ну сколько уже можно?! Какого черта этот тюлень Лоцинский тралил все эти дни? Вот только вернемся...

Неожиданно Зацаренный замолчал и, пожалуй, даже успокоился.

– Разворачиваемся. Влево. Идем на внешний рейд, – странным голосом проговорил он.

Максиму Васильевичу вдруг вспомнился вчерашний визит к адмиралу. Приглашены были он, командир «Полтавы» Успенский и командир «Паллады» Сарнавский. Командиров других броненосцев и «Баяна» не было.

– Господа! – сказал тогда Вирен. – Поверьте, что, несмотря на все доверие к вам, я не имею права сказать больше того, чем скажу. Завтра мы идем в прорыв. Вы понимаете, что это очень опасная и рискованная операция. Но! Ничему не удивляйтесь, не падайте духом несмотря ни на что. Верьте в успех. Это все, что я хотел вам сообщить. Прошу вас вернуться на корабли и проверить лично, насколько они готовы.

Выходя из салона адмирала, каперанги недоуменно переглядывались.

– Господа, вы что-нибудь понимаете? – спросил Сарнавский, когда они уже подходили к трапу.

– Нет, – ответил Успенский и, усмехнувшись, добавил: – Но раз не понимаешь – исполняй! Старое правило. Если следовать ему – будет не в чем себя винить.

Зацаренный тогда промолчал. А теперь...

«Взорвались корабли, командиров которых не было вчера у адмирала. Почему?... «Не удивляться и не падать духом». Неужели все это комедия для японцев? И если какой-то из оставшихся кораблей сейчас тоже взорвется...»

– «Баян»! – Крик сигнальщика больше походил на рыдание.

Зацаренный расхохотался. Офицеры в полном обалдении смотрели на него.

– Максим Васильевич, с вами все в порядке? – удивленно спросил старший офицер броненосца.

– Хотите в Артуре меня отдохнуть на берег отправить, Александр Михайлович? – весело оглянулся Зацаренный. – Так вот, господа, не в Артур мы идем, а на внешний рейд. И, думаю, к вечеру снова выйдем в море. Ай да Роберт Николаевич! Такой водевиль японцам устроить!

Пять пар недоумевающих глаз уперлись в лицо командира.

– Спектакль это, господа, целы корабли. Готов спорить на что угодно. Кстати, следующим, вероятно, взорвется «Севастополь». Пойдите успокойте команду, матросы, наверное, уже в полной прострации находятся.

Когда предсказание исполнилось, все почувствовали некоторое облегчение, но то, что «Севастополь» утонет, не ожидал никто. Выражение уверенности стало сползать с лица Зацаренного.

Офицеры на мостике поглядывали на него как дети, которым показали конфетку и тут же спрятали ее в карман.

От борта тонущего броненосца отваливали шлюпки, которых было на удивление мало. Но почему-то они не стали ждать остальной экипаж и направились к своим кораблям. Одна шла к «Победе».

– Приготовиться принять на борт «севастопольцев»! – отдал приказ старший офицер.

Поднявшиеся на борт из шлюпки лейтенант Басов, минный офицер «Севастополя» и матросы совсем не выглядели удрученными.

Лицо Зацаренного просветлело:

– Александр Матвеевич! Так это...

– Так точно, господин капитан первого ранга! – улыбаясь, отрапортовал Басов. – Все, как и планировалось. К вечеру пойдем еще раз.

Вечер того же дня. Борт крейсера «Сума»

Командир крейсера «Сума» скучал. Солнце уже склонялось к горным кряжам Квантунского полуострова. Нудное несение патрульной службы утомляло. Точинай никак не успевал познать славы, командуя крейсером, – в сражениях так и не удалось даже как следует поучаствовать, но корабль просто выполнял те приказы адмирала, которые ему отдавались. Пусть другие топили русских, пусть «Суме» не привелось даже всерьез пострелять по противнику, но крейсер Точинай честно выполнял свою задачу и вносил свою малую лепту в победу.

– Господин капитан первого ранга, с миноносцев передают, что русские выходят из Порт Артура.

– Кто и сколько? – Командир корабля никак не ожидал такой наглости от русских.

– Четыре броненосца и два крейсера.

– Этого не может быть!

И тем не менее с запада наплывали дым. Дымов шести больших кораблей...

– Еще радио! На норд-ост направляется отряд русских миноносцев.

«Сумерки, – пронеслось в голове Точинай. – Наши броненосцы! Шансов у русских немного, но вдруг...»

– Немедленно радио нашим миноносцам: «Перехватить противника, навязать бой!», радио в Дальний: «Выйти на перехват русских миноносцев». Радио командующему с предупреждением о возможной атаке, – стал сыпать распоряжениями командир японского крейсера. – Да! О выходе русских всеми силами из Артура, естественно, тоже командующему сообщить! А мы следуем за русскими. Всем отрядом.

– Еще два больших корабля русских присоединились к основным силам!

– Какие?

– Похоже на «Ангару» и «Амур».

«Значит, прорываются всем, что есть, значит, уходят... Уйдут, если мы не помешаем. Адмиралу не успеть до темноты». Все эти мысли молнией пронеслись в голове Точинай.

– На сближение с русскими до 50 кабельтовых, – передал он приказ.

Но «Баян» и «Паллада» в пологом развороте уже отделялись от основных сил и ложились на курс, встречный с японскими крейсерами. Связываться с такими большими дядьками для почти игрушечных «Сумы» и «Акаси» было практически самоубийством. Вскоре вспухло облако выстрела у носовой башни «Баяна» и громынуло взрывом восьмидюймового снаряда прямо по курсу японцев.

Внутренне скрежеща зубами, Точиная приказал отходить, чтобы не погубить свои корабли в безнадежном бою.

5.09.1904. Борт «Ретвизана»

В адмиральском салоне «Ретвизана» к назначенному времени собрались командиры «Пересвета», «Баяна» и, естественно, самого «Ретвизана» вместе со своими минными офицерами и инженерами. Было еще несколько офицеров из порта и инженеров с эскадры.

– Господа! – начал собрание Вирен. – Вы уже знаете, что эскадра пойдет на прорыв блокады. Попытаемся вырваться из артурской ловушки. Но нас просто так не выпустят. Открытой силой не пробиться. Только если мы обманем противника, у нас есть шанс потеряться в море и соединиться либо с владивостокским отрядом, либо со Второй эскадрой.

Предлагаю следующий план.

Утром, в высокую воду, эскадра выйдет в море, но противник увидит, что три наших корабля подорвались на минах и нам приходится вернуться обратно в порт, ибо оставшимися силами пытаться пройти его в светлое время суток – это явное самоубийство. Напряжение под Артуром будет ослаблено, а вечером все корабли снова, к удивлению, я надеюсь, японцев, выйдут в море. Вряд ли главные силы Того будут рядом. А там ночь...

Прошу вас либо высказать принципиальные возражения, либо начать думать по поводу того, как мы реально и убедительно для противника сможем симитировать подрывы наших кораблей.

– Ну, подорвать мину или ее имитатор не проблема, – заговорил минный офицер «Ретвизана» Развозов. – Понятно, что не у самого борта рвать будем, но на каком расстоянии от борта это сделать, чтобы не повредить корабль, я не очень представляю. Надо же, чтобы это выглядело убедительно для японцев, то есть слишком далеко отводить нельзя. Кстати, если дальше пяти-восьми метров, то как? А обеспечить систему подрыва можно за несколько часов. Причем желательно даже дублированную, а то, не дай бог, какой-то паршивый контакт отойдет и никакого спектакля не будет.

– А если подрывать с противоположного от японцев борта? – предложил командир «Баяна». – Тогда и фонтан будет, и грохнет как следует, но и мину подальше отвести можно.

– Сильно подозреваю, что если все мины взорвутся в «тени» наших кораблей, то противник может засомневаться в реальности взрывов и заподозрить подвох. Хотя бы один столб должен встать со стороны, обращенной к японцам, – заметил Эссен.

– Обязательно. И, вероятно, разумней, чтобы это был первый взрыв. Потом японцы будут следить за нами с большими вниманием и интересом. Можно и проколоться, – подтвердил Вирен. – Как я понимаю, главной для нас проблемой будет ослабить действие ударной волны на борт корабля. То есть создание некоторого экрана между миной и днищем. Я понимаю, что одними расчетами не обойдешься, нужен будет и эксперимент. Выделю для этого какого-нибудь «Джигита» или «Забияку», но вы уж, господа инженеры, постарайтесь, чтобы одного испытания хватило.

– Роберт Николаевич, может, между бортом и миной буксировать что-то вроде понтона, затопленного встояка? Его можно пристроить на выстрелах. А мина еще метрах в пяти дальше?

– Господа, приходится полностью довериться вам, – мрачно посмотрел на офицеров Вирен. – Работайте. И помните, что от вашей внимательности, от вашей аккуратности в расчетах, возможно, будет зависеть не только судьба эскадры, но и судьба всей войны.

Несколько часов в салоне флагманского броненосца кипели страсти. Инженеры и минеры спорили, думали, снова спорили, но все-таки что-то у них наладилось, и после решения снабженческих вопросов они стали отбывать на свои корабли вместе с командирами.

– Роберт Николаевич, разрешите задержаться на пару слов? – спросил Эссен.

– Слушаю вас, Николай Оттович. – Вирен пытливо посмотрел на нового командира «Пересвета», когда остальные вышли.

– Роберт Николаевич, вам не кажется, что японцы могут не поверить в такую инсценировку? Три подрыва, причем неизвестно, как они будут выглядеть с их стороны, и ни одного утонувшего корабля.

– А у нас есть выбор?

– Думаю, да. Я предлагаю все-таки взять с собой «Севастополь»...

– Да господь с вами! Ну вроде бы решили уже все. «Севастополь» будет практически разоружен, почти без экипажа, с тринадцатью узлами, ну Николай Оттович, ну опять вы за свое! – Командующий эскадрой начал не просто нервничать, злиться начал.

– Дослушайте, Роберт Николаевич, – терпеливо попросил Эссен. – Я же не предлагаю брать его в прорыв, я предлагаю утопить его по-настоящему. На глазах японцев. Вывести в море со всеми и рвануть настоящую мину под самым бортом. Да еще и кингстоны³ открыть, если и после этого тонуть не захочет. Вот тогда вряд ли у японцев будут сомнения в натуральности наших подрывов.

Взгляд, которым Вирен смотрел на своего строптивного подчиненного, можно было смело назвать обалдевшим:

– Вот уж не ожидал... Но подождите, японцы через шпионов наверняка будут знать, что «Севастополь» разоружается, и если утонет именно он, то это может быть только еще более подозрительно.

– А утонет «Полтава», – хитро прищурился Эссен. – Чем отличаются силуэты этих двух броненосцев? У «Севастополя» трубы ниже вентиляционной мачты, а у «Полтавы» – вровень. Так можно заранее на вентиляторную мачту «Полтавы» и трубы «Севастополя» заготовить имитационные «навершия» и установить их прямо после выхода на внешний рейд.

14.09.1904. Борт «Ретвизана».

Из воспоминаний адмирала Вирена

Если бы в адмиральском салоне эскадренного броненосца «Ретвизан» находился посторонний наблюдатель, он бы увидел, как заиграли желваки на скулах и сжались кулаки изучавшего какие-то бумаги Вирена, но поскольку здесь и сейчас присутствие посторонних лиц было абсолютно невозможным, то все бушевавшие во мне эмоции для внешнего мира вылились в громко поданную натренированным голосом команду:

– Лейтенанта Развозова ко мне!

На самом деле мне просто не хватало слов, чтобы выразить все свои чувства. Хорошо, что Устав четко регламентирует, какими именно словами нужно вызывать подчиненных, иначе, чувствую, я наговорил бы вестовому такого... Все дело в том, что сегодня в обед минеры наконец принесли мне отчет об испытаниях и планы минирования кораблей. Все документы были красиво и правильно оформлены, но именно из них стало понятно, насколько авантюрной затеей считают многие готовящийся прорыв – все бумаги были подписаны только неким мичманом (!), как будто на всей эскадре не нашлось более важного минного начальника!

«Впрочем, – подумал я, – не стоит начинать разговор с подчиненным последними словами, которые все равно ничего не решат. Эти уклонисты от ответственности никуда не денутся, если получают прямой приказ! И я уж позабочусь, чтобы они его выполнили до последней запятой!» От этой мысли на душе стало спокойнее. Снова пролистав бумаги и

³ **Кингстон** – любой клапан ниже ватерлинии, открывающий доступ забортной воды внутрь корабля.

удивившись еще раз, до какой степени безынициативности могут дойти отдельные гореначальники, я решил не тратить драгоценного времени на разбирательства и, поставив рядом с мичманской свою контр-амиральскую подпись, отправил чертежи в работу на завод.

Старший минный офицер «Ретвизана» прибыл через несколько минут и, не понаслышке зная пунктик своего адмирала насчет соблюдения дисциплины, доложил по-военному четко:

– Ваше превосходительство, лейтенант Развозов по вашему приказанию прибыл!

– Вольно! – Я заметил старание лейтенанта, и устраивать совсем уж вселенский разнос мне окончательно расхотелось. Впрочем, сначала все равно надо было кое-что уточнить. – Проходите, Александр Владимирович, присаживайтесь. Как прошли испытания нашего сюрприза?

– Но ведь я подал вашему превосходительству отчет об испытаниях! – Лейтенант, судя по всему, отнюдь не чувствовал себя в своей тарелке на ковре у высокого начальства. Придется ему слегка помочь...

– Да уж, совсем сухарем вы меня считаете, – я даже чуть усмехнулся, – заслужил, наверное. Но все-таки хотелось бы услышать и живые подробности. Вы же понимаете, как важно быть уверенными в том, что этот трюк нам удастся! Что японцы поверят, а наши корабли не пострадают.

– Ваше превосходительство, взрыв выглядел очень натурально, к отчету приложены фотографии, сделанные с «Гайдамака», на «Забияке» никаких повреждений, даже слезать обшивка не начала. Хотя встряхнуло здорово, конечно. Но раз наш старичок выдержал, то новым кораблям опасаться, я думаю, нечего.

– Ну что ж, прекрасно! – Теперь, успокоившись насчет достоверности результатов проведенных испытаний, нужно было разобраться с самими «испытателями». – Сколько офицеров участвовало в разработке и испытаниях?

– Семь. Четыре минера и три инженера.

– А скажите мне, любезный Александр Владимирович, – произнес я все тем же доброжелательным голосом и, резко сменив тон на самый желчный, спросил: – Почему в таком случае отчет подписан только мичманом Соймоновым и инженером Заборовским?

– Ваше превосходительство, – Развозов замялся, – именно эти офицеры сделали больше всех остальных при расчетах, конструировании и испытаниях...

– То есть вы хотите сказать, что работали под руководством мичмана? И вы, и старший минный офицер «Пересвета», да? А мне вот кажется по-другому! Вы попытались снять с себя ответственность в случае неудачи! Вы переложили ее на плечи самого младшего из вас! Ну, поправьте меня, если я ошибаюсь! Я буду рад принести вам извинения, если услышу правдоподобное объяснение этой истории. Прошу!

Развозов смущенно молчал.

– Я жду, лейтенант! Вы можете дать какое-то еще правдоподобное объяснение?

– Нет, ваше превосходительство, – затравленно ответил Развозов.

– Ну, хоть это хорошо. Что вилять не пытаетесь. Александр Владимирович, у меня нет никаких сомнений в вашем личном мужестве. Я прекрасно понимаю, что вы не побоитесь пойти на смерть по приказу и даже без него. Но вот почему выговора от начальства вы (да и почти все офицеры) боитесь больше, чем смерти? Я поведу эскадру на неслыханную авантюру. И если что пойдет не так, то отвечать буду я. Как командующий ею. Поэтому и власти у меня неизмеримо больше, чем у вас. Но и у вас значительно больше этой самой власти по сравнению с вашими подчиненными. И за свои ошибки в руководстве должны отвечать именно вы. А поэтому стараться ошибок не делать! – Посмотрев на совершенно раздавленного Развозова, живо напоминавшего сейчас какого-нибудь вождя американских красноко-

жих, я решил снова вернуться к делу. – Ладно. Так я могу твердо рассчитывать на то, что наши лжемины сработают как надо?

– Почти наверняка, ваше превосходительство.

– Вот и постарайтесь, чтобы «почти» исчезло из вашей фразы. И учтите, что отвечать за неудачную имитацию на своем корабле будет именно его минный офицер, а не мичман, которого вы попытались использовать как прикрытия на всякий случай. Забирайте протоколы, подпишитесь под ними сами и подписи с ваших коллег соберите. Завтра в это же время жду вас с докладом об исполнении, и протоколы заполненные принести не забудьте. Можете идти.

Письмо мичмана Василия Соймонова

Дорогая моя Оленька!

Наверное, в целом мире не хватит ни слов, ни бумаги передать, как я по тебе соскучился. И пусть прямо напротив Артура в море привычно болтаются японские крейсера (нынче это, кажется, «Сума» капитана Точина и «Акаси» капитана Миядзи), но я каждый день просыпаюсь с тайной надеждой на то, что именно сегодня каким-то чудом снова придет твое письмо.

Сам я твоими молитвами вполне здоров и сейчас, наконец, могу тебе рассказать, чем был занят последнее время.

Вечером того же дня, когда я написал тебе предыдущее письмо, к нам, инспектируя корабли эскадры, заглянул сам командующий – контр-адмирал Вирен. И увидев, что наш командир, лейтенант Колчак, еле ходит из-за сильной боли в коленях, тут же, несмотря на все возражения, отправил его в госпиталь, откуда тот вернулся только позавчера. На самом деле Колчак – настоящий герой – и в мирное время весь застудился, открывая новые земли там, где, говорят, даже полярные медведи не живут, и, едва началась война, добился своего перевода сюда, но с нашим адмиралом, знаменитым своей требовательностью на весь императорский флот, даже у Колчака поспорить не получилось.

А мы с минным офицером все это время были в команде, которая в строгой тайне испытывала на стареньком «Забияке» тот сюрприз, который сегодня увидели японцы и о котором ты, несомненно, прочитаешь в газетах раньше, чем в моем письме.

Там произошел презабавнейший случай, когда после проведения испытаний невозможно было найти ни главного инженера, ни старших офицеров, чтобы подписать окончательные бумаги. Позже оказалось, что инженер, по благополучном окончании работ, решил отметить это событие, да так славно отметил, что был найден только на другой день в самом глубоком трюме «Забияки» сладко спящим в обнимку с пустой бутылкой. Офицеры же по разным причинам сослались на невозможность прибыть и поручили все на мое усмотрение. Тогда, поскольку дело было ясное и срочное, мы со вторым инженером сами все и подписали. А сегодня утром я сам наблюдал с берега, как взрывались, оседая в море, корабли, и со слезами на глазах провожал в последний путь перевернувшийся броненосец.

И надо же было случиться, что именно сегодня японцы вновь пошли на штурм – с запада целый день доносится жуткая канонада, а нам остается только молиться за тех, кто там сражается. Но я верю в лучшее! На этот раз не иначе как Господь уберет наши корабли, дав нужный прилив вовремя, – мне было прекрасно видно, как тяжелые снаряды все утро били по тому

месту, где еще вчера стояли броненосцы, так что у японцев, как видишь, тоже случаются накладки.

Сейчас уже вечерет, на «Сердитом» разводят пары, и мне известно, что эскадра вот-вот перестанет прикидываться смертельно раненной и уйдет пытать счастья куда-то в океан. А нашей задачей будет сделать все, чтобы японцам не удалось им помешать, так что сегодня мы будем не уклоняться от боя, а сами навязывать его.

Оставляю это письмо на берегу, надеясь, что если судьба сложится так, что у меня не получится сегодня вернуться, друзья сумеют передать его тебе. Прости меня за все. Что бы ни случилось, навсегда только твой мичман Василий Соймонов.

19.09.1904. Между Порт-Артуром и Дальним

Кавторанг Елисеев прекрасно понимал, что он и его корабли являются практически смертниками. Вирен не ставил задачи – утонуть и умереть, но было очевидно, что большинство из миноносцев, порученных его командованию, в порт не вернутся. Ни в какой порт...

Ну вот – в хвосте уже загрохотало выстрелами, – концевые миноносцы вступили в бой с японцами. А развернуться и помочь нельзя. Основная цель – броненосцы Того, в крайнем случае – крейсера.

В хвосте миноносного отряда действительно разгорался нешуточный бой. Японские миноносцы, будучи заведомо слабее русских эсминцев, или, как их тогда называли, «истребителей», надели на хвост русского отряда. И, как ни странно, имели огневое преимущество. Стреляя по курсу из своих пятидесятисемимиллиметровых орудий, они превосходили русских, отстреливающих из еще более мелких пушек калибром в сорок семь миллиметров. Так можно было потерять боеспособность задолго до возможного контакта с большими кораблями Того. Концевые «Стройный» и «Сердитый» уже получили по несколько попаданий, а японцам досталось явно меньше. Более слабые японские миноносцы уже стали наносить превосходящим, и значительно, русским серьезный ущерб. А скоро наверняка подойдут и японские эсминцы, которые уже сильнее русских. А может, и крейсера. Если так будет продолжаться, то добром это не кончится, причем и боевая задача выполнена не будет.

Давно уже среди русского офицерства культивировалась идея о том, что нет большей чести и мужества, как погибнуть в бою, выполняя приказ. Каким бы дурацким он ни был. Призрак Андрея Болконского прочно поселился в душах офицеров как пример для подражания. А между тем... Столь геройский князь, проявив мужество солдата, проявил и трусость командира. Угробив половину своего полка, стоявшего в резерве под обстрелом. Не сделав ни одного выстрела по врагу. А ведь в какой-то момент на Бородинском поле мог потребоваться каждый штык, который по малодушию князь Андрей не сберег. А ведь стоило только отдать приказ отойти из зоны обстрела...

Елисеев проявил больше мужества. К тому же он помнил слова Вирена: «Я не могу предвидеть все. Если обстановка сложится так, что нужно будет проявить собственную инициативу, даже в ущерб поставленной вам задаче – действуйте!»

Первым повернул с основного курса шедший третьим с конца «Сторожевой», его маневр повторил «Бойкий», а затем и шедшие впереди «Бдительный», и даже «Властный» под брейд-вымпелом Елисеева стали разворачиваться навстречу японским миноносцам. Достаточно кому-то одному было подать пример, чтобы командиры русских истребителей дружно прекратили, стиснув зубы, терпеть огонь более слабого противника и развернулись на него в атаку. Японским кораблям быстро стало «скучно», носовые семидесятипятимиллиметровые пушки русских стали вносить в ход боя свои весомые аргументы.

Их снаряды и предназначались для борьбы с миноносцами, только бронебойные, почти не содержащие взрывчатки стальные болванки должны были пробить борт, возможно, слой

угля и добраться до котлов. Остановить. И одному удалось. Рвануло на «Кассаги», и он, окутавшись белым паром, потерял ход.

Командующий японским отрядом не стал, конечно, связываться в такую авантюру, как бой с русскими эсминцами, но поступил благоразумно – его корабли отвернули, не пытаясь защитить товарища, и взяли курс на русские главные силы, что вызвало прогнозируемый ответный ход русских – погоня.

Русским комендорам за всю войну не удалось потопить ни одного боевого корабля противника, и теперь офицерам матом и зуботычинами приходилось заставлять матросов стрелять по уходившим миноносцам противника, а не по поврежденному «Кассаги», в который артиллеристы, рыча от восторга, выпускали снаряд за снарядом. Но ситуация была достаточно быстро взята под контроль, и русские снаряды полетели в сторону тех, кто представлял сейчас наибольшую опасность. К тому же «Сердитый», несколько поврежденный и не имеющий возможности дать подходящий ход, остался добивать японца. Вскоре русскому миноносцу удалось «дотоптать» свою жертву, которая уже и не имела возможности сопротивляться.

Японцы были быстрее, но русские трехдюймовые снаряды делали свое дело – дистанция между миноносцами догоняющими и убегающими практически не увеличивалась. И несмотря на то что с севера показались дымы (а это явно были японские эсминцы), Елисеев мог считать свою главную задачу выполненной: миноносцы противника уже вряд ли найдут в темноте русскую эскадру. Во всяком случае, мы имеем такие же шансы найти японские главные силы. Посмотрим, кому повезет...

А вот у «Сердитого» появились серьезные проблемы. Японские истребители из Дальнего уже подходили к месту, где он добивал японский миноносец, нужно было отходить, но лейтенант Колчак, командир «Сердитого», хотел довести дело до конца. Все-таки добить японца. Но не повезло – к моменту, когда «Кассаги» стал наконец заваливаться на борт, получив явно смертельные повреждения, первые снаряды японцев уже начали падать у борта русского миноносца. С приказом отворачивать на соединение со своим отрядом Колчак запоздал. И не повезло...

Взрывом снаряда, попавшего в боевую рубку, и его, и лейтенанта Зотова, недавно назначенного с «Забияки», изрешетило осколками. Погибли также и пять матросов. Корабль повалило в циркуляции, и носовая пушка замолчала. Пара японских эскадренных миноносцев неумолимо придвигалась к, казалось, уже обреченному русскому кораблю...

– Ваше благородие! – подлетел к мичману Соймонову матрос Гуляев. – Там командира и лейтенанта убило! Идите миноносцем командовать, а то ведь утопят косорылые!

«Я? Я буду командовать кораблем? Я? – пронеслось в голове мичмана. – Мне не справиться! Я...»

Но ноги уже сами несли юношу в боевую рубку. Новый рулевой уже уверенно держал курс, у носовой пушки тоже имелся полный расчет, но по японцам она пока стрелять не могла из-за неудобного угла разворота.

– Машина! – кричал в переговорную трубу свежее испеченный командир корабля. – Выжимай из механизмов все, что можешь, а если сможешь, то и то, что не можешь, два японца на хвосте, а может, и еще подтянутся. Я тут наверху один остался, Александра Васильевича и Зотова убило. Выручай!

– Передайте на минные аппараты, чтобы действовали сами, по обстановке. Но при первой же реальной возможности пусть стреляют. Не попадут, так хоть с курса собьют, может, тогда удастся до своих дотянуть.

Японцы неумолимо приближались с левой раковины⁴, и вот уже носовая пушка включилась в артиллерийскую дуэль. Повреждения «Сердитого» были пока незначительны, но скоро просто закон больших чисел должен сыграть на стороне противника. Нужно было что-то предпринимать.

– Передайте на минные аппараты – пусть стреляют, взяв нужное упреждение, – приказал Соймонов. – И быть готовыми принять влево.

Мины вышли. Безумно было предполагать, что на скорости более двадцати узлов с десяти кабельтовых можно попасть в небольшой кораблик, идущий с еще большей скоростью, скорее можно рассчитывать попасть плевком в мимо пролетающую ласточку, но не в этом была задача, нужно было заставить японцев отвернуть с курса преследования и выиграть время. Только бы отвернули!

Когда рвануло у борта головного японского истребителя и он стал быстро переворачиваться, юный мичман, стоявший на мостике «Сердитого», просто не верил своим глазам: так не бывает!

Но все-таки это произошло, японец переворачивался, а его товарищ вынужденно отвернул в сторону от русских, чтобы не налететь своим форштевнем на гибнущего собрата. Теперь догнать «Сердитого» до темноты у него не было шансов. Да и смысла – нужно было найти и атаковать русские броненосцы. Поэтому второй японский миноносец стал заниматься спасательными работами, вылавливая из воды экипаж своего головного. (Только после войны русские узнали, что в этом боевом эпизоде был утоплен эскадренный миноносец «Касуми».)

...А ведь чудеса на войне бывают. И вот сейчас маленький кораблик смог оторваться от двух, превосходящих его по силам и скорости, кораблей противника, да еще и угробил один из них. И матросы уже охрипли от криков «Ура!» и даже перестали показывать неприличные жесты тем, кого совсем недавно считали своими будущими победителями. И с восхищением смотрели на молодого офицера, вышедшего из боевой рубки и тоже в полном обалдении смотревшего на удаляющихся японцев.

«Неужели я смог? Мы смогли. Мы выиграли бой! – проносились мысли в голове Соймонова. – Кто бы мог подумать!...»

– Ваше благородие! Куда прикажете взять курс? – К мичману подошел боцман.

«В самом деле, куда? В Артур в сумерках через минные банки? Самоубийство. Искать отряд Елисеева? Скорее найдешь японцев. Дождаться рассвета в море неподалеку? И на японцев можно нарваться, и на мины налететь с утра, ведь карты заграждений уничтожил все тот же злополучный снаряд, который попал в боевую рубку. Что делать?»

– Доложить о повреждениях! – спохватился мичман, отдавая приказ, который был обязан отдать сразу же по окончании боя.

Доклад был обнадеживающим: никаких серьезных повреждений корабль не получил, было несколько пробоин выше ватерлинии, побиты надстройки и трубы получили немного осколками, разбит минный аппарат, пожары потушены. В общем мореходность и скорость миноносца серьезно не пострадали.

«Куда же идти дальше? – вернулся мичман к своим размышлениям. – Идти в Чифу на интернирование? – Но слишком хорошо он помнил историю, когда в этом порту китайские власти позволили японцам захватить уже разоружившийся «Решительный». – Вэйха-вей? Англичане сдадут русский корабль своим союзникам-японцам еще скорее. Куда?»

⁴ Для определения направления на флоте используют специфические термины. «По носу» и «по корме», я думаю, понятно даже самому неискушенному в морском деле человеку. «На правом (левом) траверзе» – значит перпендикулярно курсу судна. «Крамбол» – направление между «по носу» и «на траверзе», «раковина» – между «по корме» и «на траверзе».

– Идем в Циндао, – приказал мичман рулевому. – Пока держать зюйд-ост двадцать три градуса.

– Вашбродь! – подскочил к Соймонову фельдшер Воблый. – Вас командир к себе просят!

– Александр Васильевич жив? – не поверил своим ушам офицер.

– Живы-с! Но плохи очень. Крови много потеряли. И контузия. Несколько минут как очнулись.

Запыхавшийся мичман, подбежав к каюте командира, отдышался и осторожно приоткрыл дверь. Смотреть на Колчака было страшно: повязка на голове набухла кровавым пятном на месте левого глаза, окровавлены были и бинты на груди.

– Ну, рассказывай, Василий, что там было, – донесся слабый голос командира.

– Драка была, Александр Васильевич, два японских истребителя против нас. Отбились. Один даже миной утопили.

– Истребитель? Миной? На полном ходу? – даже слегка приподнялся ошарашенный Колчак. Но тут же, застонав, рухнул на подушки.

– Сам удивляюсь. Просто повезло, конечно – хотели только их отвернуть заставить. И вот, попали.

– Молодец, Василий. Что бы там ни было – это твоя заслуга. Что дальше делать собираешься?

– Идем в Циндао, завтра сдадим вас там в госпиталь, только дотерпите.

– Ну, помогай тебе Бог, мичман. Ладно, иди, а то вон, наш фершал уже не знает, как тебя отсюда попросить, – слабо улыбнулся раненый командир. – Иди!

Когда спал накал боя, трудности принятия решения о дальнейшем больше не беспокоили, в голове мичмана стали все сильнее проявляться мысли: «Я победил! То есть мы... Но руководил-то я! Неужели это не подвиг? Ну ведь если все удастся... Не могут же не наградить! Как было бы здорово встретиться с Оленькой, а на груди, например, Владимир с мечами... Вряд ли тогда ее отец был бы таким же неприветливым. А если...» – Образ белого эмалевого крестика замаячил в мечтах юноши. И как ни старался Василий гнать от себя эти мысли, стыдить себя за них, они неизменно возвращались.

Борт «Микаса». Вечер 19 сентября

Получив радиogramму с «Сумы», адмирал Того серьезно задумался.

Уже который день, как стало известно о готовящемся прорыве русских. Никаких сомнений не было – раз уж стали разоружать «Севастополь» и устанавливать его пушки на другие корабли, то русские решились. Японские главные силы по очереди, разделенные пополам, отдыхали и грузились углем на Эллиоте или крейсировали недалеко от Дальнего. Крейсера постоянно дежурили под Артуром. Адмирал Камимура был в Цусимском проливе, обеспечивая безопасность перевозок из Японии.

Сообщению о выходе русской эскадры Того даже обрадовался, наконец-то определенность, наконец бой, а не ожидание. Пусть русские корабли и утонут не на рейде крепости, а в море и не достанутся империи, но они в конце концов перестанут быть, как говорят европейцы, «дамокловым мечом». Все главные силы японского флота (кроме находившихся в Цусимском проливе) стали стягиваться к Артуру.

Известие о подрыве на минах трех русских броненосцев, один из которых затонул, и крейсера, более чем ополовинивших силы артурской эскадры, адмирал воспринял невозмутимо и приказал продолжать наблюдение.

Остатки тихоокеанской эскадры скучились у входа на внутренний рейд, но низкая вода не давала возможности войти в гавань. Поврежденные корабли были на плаву, но даже дозорные миноносцы издали отмечали имевшийся крен.

«Первому боевому отряду отходить к Эллиоту, – приказал Того. – Отряду Точиная остаться для наблюдения».

Броненосцы Того уже подходили к «известному месту», когда радио с «Сумы» повергло невозмутимого командующего объединенным флотом в состояние, близкое к шоку.

«До темноты уже не успеем, – лихорадочно проносилось в его голове. – Да и если успеем вступить в контакт, то точно не нанести серьезных повреждений. (Думать о том, как вдруг «воскресли» русские корабли, Того категорически себе запретил – есть факт, что они идут на тринадцати узлах, а почему – можно подумать потом.)

Что предпринять?

Куда они идут? Где заступить им дорогу?

Вариант первый: Владивосток.

По агентурным сведениям, наместник приказывал прорываться именно туда. Значит, через Корейский пролив. Через наши коммуникации. Охраняемые адмиралом Камимурой с его броненосными крейсерами. При нем отряд Уриу, но что это дает? Обнаружить противника они, может, и смогут, но вот нанести серьезный ущерб... Скорее сами получают большие повреждения и пропустят врага. Соединившись с владивостокским отрядом, артурская эскадра... Это будет достаточно грозный противник. Пренебрегать им будет нельзя. Придется базироваться всем или почти всем флотом на северные порты и осуществлять блокаду Владивостока. А значит, ослабить блокаду Порт-Артура.

А когда подойдет эскадра Рождественского, можно оказаться между молотом и наковальней, если русские скоординируют свои действия.

Вариант второй: русские идут на юг. Бункеруются, вероятно, в Циндао или Шанхае, потом навстречу второй эскадре. Вообще-то еще более неприятно. Если Рождественский получит четыре броненосца и два современных крейсера в дополнение к тому, что имеет...

Двигаться ночью к Шантунгу... Обнаружить и перехватить русских там сложнее, чем в Корейском и Цусимском проливах, рядом не будет Камимуры с его крейсерами. К тому же, если я и успею туда раньше, то они минуют его ночью, за несколько часов до рассвета, а южнее уже просторы моря, которые накроют их как шапка-невидимка. А если они все-таки пойдут во Владивосток? А я уже не успеваю с юга. Пройдут броненосные крейсера, здорово побив их по дороге, и объединятся с «Россией» и «Громобоем».

К тому же «Севастополь»... Русские взяли с собой совершенно небоеспособный корабль. «Амур» и «Ангару», которые не представляют боевой ценности в эскадренном бою. «Всадника» и «Гайдамака» – совершенно бесполезных. Но... Эти корабли своими дымами могут симитировать направление ложного прорыва и уж явно не во Владивосток. «Севастополь» идет интернироваться – это очевидно, русские не будут тащить во Владивосток такой корабль, рискуя всей эскадрой.

Так что правильное: надежно перекрыть всеми силами путь во Владивосток и, если повезет, совершенно уничтожить артурскую эскадру, но, возможно, упустив ее на юг, прочь с театра военных действий. И неизвестно, сможет ли она до Рождественского, который только выходит из Балтийского моря, дойти без баз и снабжения? Или ловить в более широком проливе меньшими силами уходящие (пусть и пока) от войны вражеские корабли, рискуя подставить под удар свои крейсера на севере? И имея в перспективе весьма сильный и боеспособный отряд противника...»

Вызвав флаг-офицера, адмирал Того отдал приказ главным силам срочно идти к Цусимскому проливу, имея ход в пятнадцать узлов.

Борт «Ретвизана». 19 сентября. 21.30

Адмирал Вирен принял решение о направлении прорыва давно: идти к Корейскому проливу значительно дольше, чем до Шантунга, и Того наверняка успеет туда раньше. Перехватить русскую эскадру будет легче в узких проливах между Кореей и Японией, там наверняка находится и Камимура с крейсерами – шансов практически нет. Если идти на юг, навстречу Рождественскому, то за одиннадцать-двенадцать часов не только успеваем миновать Шантунг, но спуститься миль на шестьдесят-семьдесят южнее, а там уже пойдй-найди. Не посмеет Того поставить свои коммуникации под удар, в крайнем случае останется у выхода из Желтого моря и пошлет разведку на юг. Даже если разведчики обнаружат нас с рассветом, что крайне маловероятно, то до Того будут десятки, если не вся сотня миль. Не успеет он, имея всего два-три узла преимущества, нагнать за светлое время суток, а там снова ночь... Ловить надо будет уже чуть ли не в Зондском проливе. Еще неизвестно, пойдём ли мы им...

Вирен поднялся на мостик «Ретвизана» и приказал сигнальщикам: «Передайте на эскадру: «Командирам вскрыть конверт номер два».

Даже Желтое море по-настоящему темной ночью становится черным. И если ночь безлунная и беззвездная, то кажется, что черный бархат небес здесь, совсем рядом, достаточно только протянуть руку – и она утонет в его мягкой глубине, и только плеск волн напомнит о том, что море не кончается там же, на расстоянии вытянутой руки. Но иногда, накликаемые войной, и в этой тьме появляются призраки. Вот и сейчас, изо всех сил застилая и без того черное небо шлейфом еще более черного дыма, по морю мчался призрак. Стальной призрак, закованный в тысячи тонн брони. Всему миру известно, что броненосец «Полтава» вместе с большей частью экипажа уже почти сутки как покоился на морском дне.

Но кондуктор Николай Чухрай не чувствовал себя призраком. Стенки едва заметно дрожали от работающих на полном ходу машин, а он, отгоняя сон, пытался сосредоточиться, вглядываясь в беспросветный мрак за амбразурой каземата. Если вдруг появится японский миноносец, его шестидюймовка выстрелит сразу же – орудие уже заряжено, и рядом лежат пять заранее поднятых из погреба снарядов и зарядов к ним. Люди тоже все здесь. Двое дежурят у орудия, а остальные – спят на растянутых здесь же койках. Адмирал приказал поступить так на всей эскадре, объяснив, что бой если и будет, то, скорее всего, утром и артиллеристы должны быть отдохнувшими.

Настало время, Чухрай тихо разбудил сменщика, занял его место и тут же забылся тревожным сном. А броненосец, словно сорвавшийся куда-то по своим делам железнодорожный вокзал, продолжал упрямо идти на юг.

Эпилог первой части

Броненосцы... в ту эпоху, когда броня разумной толщины еще могла остановить любой снаряд, а о высокоточных и ядерных боеприпасах никто и слыхом не слыхивал, самые крупные из морских орудий были настолько дороги, что для них строили огромные корабли, у которых буквально все, кроме дымовых труб, шлюпок и ненужных в бою помещений, было заковано в броню. Десятки скорострельных орудий противоминного калибра делали попытку дневной торпедной атаки на такой корабль, если только он не был сильно поврежден, сущим самоубийством. Так что вражеские броненосцы могли остановить только другие такие же броненосцы. А еще на броненосцах обычно была дюжина орудий среднего (по тогдашним меркам) калибра. Конечно, сорокакилограммовые снаряды шестидюймовых орудий не могли сравниться по разрушительной мощи с трехсотпятидесятикилограммовыми собратьями главного калибра, но наведение орудий в основном велось путем наблюдения собственных недолетов и перелетов. Добиться в таких условиях попадания, используя только гигантские орудия, стреляющие раз в две минуты, было просто нереально. А попадания слабеньких снарядов противоминного калибра издали не были видны. Исходя из этой логики, и сформировался классический тип броненосца той эпохи: на носу и корме – по двухорудийной башне, в каждой по два двенадцатидюймовых орудия, посередине – казематы и/или двухорудийные башни с шестидюймовым средним калибром, и натканные тут и там, – где только место найдется – от специальных казематов по бортам до крыльев мостика и даже площадок на мачтах (боевых марсов) пушки всевозможных противоминных калибров и даже пулеметы.

Тогда эти корабли были настолько дороги, что позволить себе иметь даже один такой могли далеко не все страны. В переводе на современные цены броненосец стоил три десятка миллиардов рублей. Или, если хотите, больше миллиарда долларов. И его надо было еще суметь построить. У Японии, кстати, ни таких денег, ни таких возможностей и не было – война шла на заграничные займы и заграничным же оружием. Так что традиция вооружать до зубов «маленьких, но гордых», чтобы испытать Россию войной, началась не в двухтысячных годах, а как минимум на сто лет раньше...

В нашей истории попытки спасти эти корабли, оплаченные неустанным трудом, а зачастую и полуголодным существованием десятков миллионов жителей Империи и осажденного Порт-Артура, успеха не принесли. Несмотря на отвагу и умение одних командиров, для слишком многих других мнение начальства и внешняя благообразность оказались важнее того дела, которое им было поручено. А в результате разгромленный флот так и не сумел оправиться до самой Первой мировой, когда его неспособность поддержать приморский фланг фронта привела к провалам в обороне балтийского побережья. Поражения на фронте спровоцировали Февральскую революцию. А после запертый в базах флот породил тех самых «революционных матросов», на штыках которых победила уже Октябрьская революция... и погибли многие из тех, кто еще тогда, в русско-японскую, не нашел в себе сил сделать пусть не благообразный и не одобряемый начальством, но правильный шаг.

Но мужчина, и тем более офицер, должен уметь принимать решение сам, не думая о том, что скажет начальство, а иногда даже вопреки приказу. В этой истории «гамбит» разыгран, ловушка покинута, но полученный шанс надо еще суметь реализовать...

Часть вторая Океанская одиссея

Глава 1 Хлопнуть дверь на прощанье

Командир вспомогательного крейсера «Ангара» кавторанг Сухомлин заранее получил задачу на крейсерство. Он знал, что не пойдет с главными силами, он должен был максимально запутать японское командование и, по возможности, нарушать торговые коммуникации. На «Ангару» вернули с береговой батареи все ее 120-миллиметровые пушки и даже выделили две шестидюймовки сверх того, что было. Конечно, даже теперь нельзя было рассчитывать на успех в бою с крейсером специальной постройки ввиду отсутствия броневой палубы и гиганскими, по сравнению с настоящими крейсерами, размерами, но шанс отбиться был уже неплохой. К тому же вполне приличная скорость позволяла уйти от большинства японских крейсеров.

С наступлением темноты был взят курс на выход в океан, и к утру на пятнадцати узлах крейсер оказался уже наверняка вне досягаемости японского флота. Ну разве что специально за ним отправили бы быстроходную «собачку» и она угадала бы место, в котором «Ангару» застанет рассвет. Но это уже из области фантастики.

День, как ни странно, прошел спокойно, встречались дымы на горизонте, но со своим «мирным» силуэтом пассажирского парохода можно было не сильно опасаться интенсивного внимания японских боевых кораблей. А еще через день уже совершенно внаглую «Ангара» начала пиратствовать почти у Токийского залива. И один пароход имел несчастье встретить ее на своем пути.

Капитан английского судна «Гермес» был буквально ошарашен, когда с вроде бы мирного корабля, встреченного им, раздался пушечный выстрел и был передан приказ застопорить ход и принять досмотровую партию. Все это никак не вязалось с его представлениями о состоянии дел на театре военных действий. Была твердая уверенность, что русские боевые корабли наглухо блокированы в своих базах и только плата за риск, которую всенепременно получали и он, и его команда, должна была отличать этот рейс от обыденного плавания.

– Капитан Тетчер, – козырнул англичанин поднявшемуся на борт русскому офицеру. – Чему обязан? Мы мирное судно и в войне не участвуем. Везем медикаменты.

– Лейтенант российского Императорского Флота Адрианов (ну или еще как-то). Если на вашем корабле не будет обнаружено военной контрабанды, вы беспрепятственно продолжите свой путь. Какой груз везете и порт назначения?

– Осака. Медикаменты, как я уже сказал. Вот документы на груз.

– Вы всерьез считаете свой груз лекарствами? – иронически посмотрел на англичанина Адрианов.

– Ну да, лекарства и удобрения. Это же ясно написано в документах: карболовая кислота, селитра, йод, спирт, хлопок.

– Господин капитан, фенола, или, как вы называете его, «карболовой кислоты», который везете, хватит для дезинфекции всей Японии и прилежащих островов лет этак на двадцать. Я артиллерист все-таки и прекрасно могу понять, для чего вашим союзникам требуется такое количество сырья – для получения шимозы и пироксилина. Практически весь ваш груз является военной контрабандой, и корабль ваш будет затоплен.

– Я решительно протестую! Это просто пиратство какое-то! Я...

– Хватит! У нас мало времени. Позже можете протестовать сколько угодно. Моя родина воюет. Воюет с Японией, которой вы везете сырье для производства оружия. Представьте на моем месте вашего соотечественника. Вы в самом деле считаете, что он бы отпустил корабль, который везет то же, что и вы, во вражеский порт? Разговор окончен. Готовьте свой экипаж к пересадке на наш корабль. Йод и спирт мы тоже переправим на «Ангару». Вас и йод мы передадим на ближайший «чистый» корабль, следующий в Японию, а вот спирт будет нашим трофеем, – улыбнулся русский лейтенант.

«Гермес» был потоплен, и «Ангара» без особых приключений, досмотрев еще пять судов по пути во Владивосток (два из них были потоплены), зайдя для затягивания времени и уменьшения боевого азарта японцев аж в сам Петропавловск, благополучно добралась до порта назначения.

«Амур», также пройдя вокруг Японии, потопив по дороге несколько японских джонок, прибыл туда неделей раньше.

Циндао, 20 сентября

«Сердитый» совершенно без приключений к полудню следующего после боя дня пришел в Циндао, германский порт в Китае.

Пока входили в порт, на русских кораблях, интернированных здесь еще в августе, уже узнали об их прибытии. На пирсе, к которому подходил миноносец, размахивала бескозырками толпа соотечественников с «Цесаревича» и миноносцев «Беспощадный», «Бесшумный» и «Бесстрашный», прорвавшихся в германский порт после боя у мыса Шантунг. Встретил Василия капитан второго ранга Максимов, который был старшим среди оставшихся в Циндао русских моряков.

Офицеры пожали друг другу руки, и Василий вкратце изложил события минувших суток. Максимов, по ходу рассказа, все более и более благожелательно смотрел на мичмана.

– Ну, во-первых, мои аплодисменты вам лично, Василий Михайлович, а во-вторых – огромная благодарность за добрые вести, каковых мы давно не слышали. Что у вас с планами? Спускаете флаг и присоединяетесь к нам или...

– Или. Сейчас постараюсь поскорее отбить телеграммы в Мукден и в Петербург, загрузиться углем и скорее на юг. Если, конечно, к этому времени не появятся японцы. «Сердитый» вполне боеспособен, на ходу. Постараемся дойти хотя бы до Сайгона – а там или навстречу балтийцам, или хотя бы в союзническом⁵ порту интернироваться, а то мало ли как еще в Европе политика повернется.

– Еще раз браво! Полностью вас поддерживаю и завидую – вы еще имеете право воевать. Тем более во вновь сложившихся обстоятельствах. В общем, так: поезжайте-ка скорее в консульство, отправляйте корреспонденцию, а за «Сердитого» не беспокойтесь. Командира в госпиталь отправим, уголь, воду и провиант получите непосредственно с «Цесаревича» силами моих экипажей. Пусть слегка подрастрясут жирок, а то совсем обленились. Да они, честно говоря, и сами рады помочь будут. Разве что за овощами-фруктами отправьте своих – мы запаса не держим, покупаем свежее ежедневно. Все. Действуйте, Василий Михайлович. Удачи!

⁵ Значительную роль во всем ходе русско-японской войны сыграл тот факт, что и на европейских границах обстановка была весьма напряженной – в то время отношения руководства России с правителем Австро-Венгерской империи Францем-Иосифом I примерно соответствовали таковым с грузинским президентом Михаилом Саакашвили после войны в Южной Осетии. Поэтому наиболее подготовленные войска долгое время и не посылались на восток, ожидая удара в спину со стороны Австро-Венгрии при поддержке союзной ей Германии и зависимой от них Турции. Единственным же серьезным и надежным союзником на случай начала войны в Европе была Франция.

В общем, долго раздумывать и сомневаться времени не было. Нельзя использовать для стоянки в Циндао все двадцать четыре разрешенных часа. К утру у входа в порт будут японцы, и хоть творить такое же, как в Чемульпо или Чифу, они не посмеют, но интернирование будет неизбежным.

Времени катастрофически не хватало. Поэтому, прибыв в консульство, мичман ограничился передачей телеграммы в Адмиралтейство, наместнику в Мукден и, сославшись на неотложные дела, не стал задерживаться даже на чашку кофе.

На «Сердитом» его ждали две проблемы: точнее, первая «проблема» была, конечно, не на борту – кто бы пустил на миноносец немецкого журналиста. Тот ждал у пирса. И сразу стал умолять об интервью, суля за него сумасшедшие деньги. Отбиться было нелегко, он проявлял совершенно несвойственный немцам темперамент, пытаясь выпросить у русского офицера хоть крупинцы информации о прорыве эскадры.

Проблема на борту была из серии «и смех и грех»: команда была чуть не на грани бунта. Баталер привез продукты с берега. В том числе фрукты. Свежие. А команда несколько месяцев в осажденной крепости провела. Но фельдшер просто грудью встал между матросами и ящиками. И в который раз орал, что если они сейчас наедятся этого, то миноносец превратится в сплошной галюн.

Отсмеявшись, мичман разрешил выдать каждому по несколько мандаринов, приказав их предварительно вымыть и сполоснуть кипяченой водой. И пообещал, что теперь матросы будут получать фрукты каждый день.

Потом, вызвав механика Роднина и посоветовавшись, отдал приказ готовиться к выходу в море. Тепло попрощались с экипажами интернированных кораблей – Василий даже произнес короткую речь, горячо поблагодарив их за помощь, – а затем, сопровождаемый криками «ура!», «Сердитый» отошел, наконец, от причала и направился в Шанхай, где можно было передохнуть более обстоятельно...

Письмо мичмана Соймонова

Дорогая Оленька, любимая!

Я жив и здоров, миноносец наш прорвался в Циндао, но надолго здесь задерживаться нам не следует, так что прошу простить мой плохой почерк – пишу по дороге в консульство прямо в коляске извозчика, так как, исполняя обязанности капитана, не имел ни одной свободной минуты со вчерашнего дня. Про мою жизнь прочитаешь из писем, которые я все, кроме последнего, оставшегося в Артуре, постараюсь отправить нынче же.

Живу только встречей с тобой и очень хочу узнать, как ты там, вдалеке, но мы вряд ли скоро вернемся сюда, как, впрочем, и в Порт-Артур, поэтому получать твои письма мне пока нигде. Обязательно напишу, как только снова буду на берегу. И береги себя, твой В. С.

Ночь по пути к Шанхаю была уже не такая «ласковая», как предыдущая, свежачок изрядно повалял «Сердитого», и мичману едва удалось поспать пару часов. Причем только потому, что Роднин чуть не насильно выпроводил с мостика одуревшего от недосыпа юношу.

Мукден. Штаб наместника

– Ваше высокопревосходительство! Телеграмма из Циндао.

Алексеев недовольно посмотрел на своего флаг-офицера, посмеявшего оторвать его от обеда, и молча протянул руку. Адмирал давно уже отвык от хороших новостей и хмуро посмотрел на переданный ему лист бумаги. Лицо наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке стало «светлеть».

«...Эскадра прорвалась из Порт-Артура... «Севастополь» погиб на минах. (Жаль, но на войне не без потерь...)»

– Черт побери! Да это самые приятные новости за последние несколько месяцев! – Евгений Александрович продолжил жадно читать дальше.

Дальше был доклад мичмана, ставшего командиром миноносца, о своей «одиссее». Об отряде Вирена больше, по понятным причинам, не говорилось.

Дальше шло описание какого-то эпического подвига. Глаза побочного сына императора Александра раскрывались все шире.

По ходу чтения сами собой стали всплывать статьи статута ордена Святого Георгия для моряков:

«Истребил корабль более сильный или равный по силе...» – Да!

«Прорвался сквозь окружившего противника, не оставив тому трофеев...» – Да!!

«Вступил в бой с вдвое и более превосходящим противником и провел бой с честью...» – Да, черт побери!!!

«Прорвался через превосходящего противника и доставил главнокомандующему важные сведения...» – Еще бы!

Да еще и заменил тяжело раненного командира корабля!

А главное, доставил главнокомандующему новость, сильно поднявшую настроение главнокомандующего! Не-еет! Этот мичман (Как его? Соймонов?) без награды не останется.

Но дело сейчас не в нем. Куда пошел Вирен с броненосцами? Приказ он имел на Владивосток. Неужели ослушается? Хотя, если он будет буквально выполнять приказ, то его, с большой степенью вероятности, перехватят японцы. Остается только ждать. Ждать информации.

Но уже то, что корабли вырвались из Артура – маленькая победа. Наместник уже неоднократно получал выражение неудовольствия из Петербурга из-за пассивности и неуспешности действий флота в этой войне. Теперь была в активе хоть одна, но удачная операция, и адмирал был готов простить Вирену все, лишь бы она окончилась хоть сколько-нибудь успешно.

И что докладывать Государю? Ведь пока совершенно непонятно, куда направились броненосцы артурской эскадры. Выполняют они приказ наместника или ведут свою собственную игру?

В общем пока нужно сообщить в столицу о самом факте прорыва из западни, а подробности потом... Но про мичманца не забыть. Стране сейчас как воздух нужны герои-моряки. Флот, черт побери, тоже воюет! И воюет героически! И пусть газетчики как следует раздуют эту историю!

– Немедленно вызвать ко мне начальника штаба! – прогудел Алексеев флаг-офицеру...

21.09.1904. Шанхай

А вот при входе в порт ждал неприятный сюрприз – трехтрубный японский крейсер, похожий на «Нийтаку».

«Теперь точно интернироваться придется, – подумалось мичману. – Недолго я кораблем прокомандовал. Хотя из под шпика наверняка такой приказ и пришел. Ну да ладно...»

Как только отдали якорь, Соймонов отправился в консульство, где он действительно получил приказ от Адмиралтейства спустить флаг и разоружиться.

«Ну хоть выплусь, – думал он по пути на корабль. – И за угольные погрузки голова болеть не будет, и о том, как дальше действовать. И... Оленька! Мы скоро увидимся!...»

Увы. По возвращении на «Сердитый» его ждал сюрприз в виде японского офицера в вельботе под белым флагом.

– Капитан-лейтенант крейсера императорского флота «Отова» Суга, – представился японец.

– Чему обязан визитом? – поинтересовался мичман, представившись в ответ.

– Имею честь предложить вам либо спустить флаг и сдать свой корабль, либо выйти в море на рыцарский бой с моим кораблем.

– А вам не кажется, что, находясь в нейтральном порту, вы не имеете прав диктовать такие условия? К тому же ваш корабль находится здесь дольше моего и по всем нормам международного права обязан покинуть порт раньше нас.

– Идет война. В праве пусть потом разбираются дипломаты. Я военный, и мое дело уничтожать врагов страны Ямато. Если вы откажетесь – мы атакуем ваш корабль в порту. Кстати, ваш соотечественник Руднев был смелее вас, – не упустил случая подпустить шпильку японца.

На губах Соймонова и стоявшего рядом Роднина заиграли улыбки:

– Так что на нашем месте вы бы вышли на бой с противником, как бы силен он ни был?

– Можете не сомневаться!

– Ну тогда оглянитесь.

К борту «Сердитого» подходил катер под русским флагом. Катер говорил о присутствии на рейде крупного русского корабля или даже всей эскадры.

«Этого не может быть! – пронеслось в мыслях у японца. – Еще вчера русскую эскадру видели почти сотней миль южнее и она уходила дальше на юг».

Русские офицеры иронически поглядывали на капитан-лейтенанта.

– Ну что, по-прежнему согласны на рыцарский бой, капитан Суга? – спросил Роднин.

– Я должен вернуться на свой корабль, – ответил тот.

– А вот тут заминка, – усмехнулся Соймонов. – Вам придется побыть нашим гостем, пока я не выясню обстановку.

– Вы не имеете права! Я прибыл под белым флагом. Вы обязаны... – замялся японский офицер.

– Вы сами поняли, что хотели сказать... ненужные слова? Вы не взяты в плен, вы задержаны на некоторое время. Обещаю, что через час-два вы будете свободны. Спуститесь в каюту, вас проводят.

С радостным удивлением командир «Баяна» Иванов увидел, что в порту находится русский миноносец. Обнаружение в порту «Отовы» также вызывало интерес и тревогу. Но в любом случае Иванов похвалил себя за то, что не завел крейсер в порт. В этом случае пришлось бы сидеть в Шанхае еще двадцать четыре часа после ухода японца. А там и его «старшие братья» могли подоспеть.

«Баян» был один, он получил приказ Вирена в Шанхае связаться с Адмиралтейством, сообщить подробности прорыва эскадры, назначить точку randevu с транспортом, которые из Петербурга должны были обеспечить. Подробности были в конверте, который Иванов должен был лично передать русскому консулу и проследить, чтобы после передачи телеграммы письмо было уничтожено.

Заметив «Сердитый», Иванов приказал пристать к борту миноносца и поднялся на его борт.

Выслушав рассказ мичмана, каперанг с трудом сдержался, чтобы не расцеловать этого славного юношу, который к тому же даже стеснялся, рассказывая о своей, смело можно сказать, героической одиссее.

– Я пока съеду на берег, но «Баян» останется на внешнем рейде, так что не выпустим, не волнуйтесь. Или разоружатся они, или милости просим... «Сердитому» придется спустить флаг после боя с японцем, а может, и нет, но не беспокойтесь, вас с Родниным и пару десятков матросов я заберу на эскадру. Если пожелаете, конечно. Но такие моряки, как вы,

России сейчас нужны. А миноносец, в случае чего, оставите на попечение кондукторов и остатков команды. Официальной частью займется наш местный военный представитель, я договорюсь. Возражения будут?

Вернувшись на «Отову», Суга доложил о беседе с русскими, что, впрочем, уже не имело значения. «Баян» почти вдвое превосходил японский крейсер по водоизмещению, более чем вчетверо по весу бортового залпа, не уступал в скорости, к тому же имел броневой пояс. Стоящий на внешнем рейде «Баян» надежно перекрывал выход в открытое море. А до истечения отпущенного международным правом времени нахождения в нейтральном порту оставалось три часа.

«Отова» хоть и был новейшим крейсером, улучшенным вариантом «Нийтаки», но улучшены были мореходность, скорость, а вот как раз вооружение было ослаблено по сравнению с прототипом. Большинство экипажа не имело опыта войны. Именно поэтому Того и отправил скоростной, но слабый крейсер на юг в качестве разведчика. И в открытом море «Отову» никто из русских бы не догнал. Надо же было так глупо попасться!

Собрав офицеров крейсера, командир японского корабля обрисовал ситуацию и предложил игнорировать правило двадцати четырех часов. А русские не посмеют здесь находиться долго – они прекрасно понимают, что адмиралу Того уже известно об их нахождении в Шанхае. Не раз уже в этой войне японцы грубо нарушали международное законодательство, и им это сходило с рук. Причем, будь это Циндао, принадлежавшее немцам, «полусоюзникам» русских... Немцы уж точно не позволили бы творить на своей территории такой же «беспредел», как было в Чемульпо и в Чифу. Но китайцы не посмеют что-то категорически требовать со своих недавних победителей.

– Господин капитан, катер под белым флагом! – заглянул в каюту вестовой.

К борту подходил катер с «Баяна». По поданному трапу на борт поднялся русский офицер.

– Лейтенант Подгурский, – козырнул он японскому командиру. – Господин капитан, я уполномочен передать вам следующее: до окончания разрешенного времени стоянки в порту у вашего корабля осталось два часа. Если по истечении этого времени ваш крейсер не спустит флаг и не разоружится или не покинет порт, то наши силы атакуют вас прямо здесь, в порту. На принятие решения вам даются те самые два часа. Причем, если вы все-таки решите разоружаться, то мы не поленимся проконтролировать это, простым спуском флага не ограничитесь. Честь имею!

После убытия русского офицера в кают-компанию «Отовы» повисло тягостное молчание.

– Ну что же, господа. Сберечь крейсер не удастся, – заговорил капитан первого ранга Арима. – Русский «Варяг» вышел на бой при гораздо более неблагоприятных обстоятельствах. Мы не можем покрыть позором себя и нашу родину, показав, что у нас меньше мужества, чем у русских. Да и шансы у нас, хоть и небольшие, но есть. Готовить крейсер к бою!

* * *

– А ведь наше интернирование откладывается, Василий, смотри! – протянул мичману бинокль инженер-механик.

На «Отове» разводили пары, было видно оживление на палубе, а через несколько минут крейсер начал выбирать якоря.

– Ну и нам туда же, – усмехнулся Соймонов. – Поднять якорь! Следовать на внешний рейд! А драться постепенно надоедает, а?

– Ну а нам драться и не придется, хотя для чего мы жалованье получали все эти годы и мундир носили: чтобы барышень охмурять? – усмехнулся Роднин. – Ладно, я в машинное, зови, если что.

Юркому миноносцу потребовалось, конечно, гораздо меньше времени, чтобы выйти на внешний рейд. И когда «Отова» показался на выходе из порта, «Сердитый» уже успел встать на якоря на внешнем рейде. Вся команда, кроме машинной, вывалила на палубу и с нетерпением стала ждать начала боя.

Море. Окрестности Шанхая

Весло ли галеры средь мрака и льдин,
Иль винт рассекает море, —
У волн и у Времени голос один:
«Горе слабейшему, горе!»

Р. Киплинг

Когда «Отова» показался из дельты, «Баян», находившийся в тридцати кабельтовых от места выхода, дал ход и стал ложиться на параллельный курс со сближением. Когда опасность повредить посторонние корабли огнем миновала, с «Баяна» хлопнул пристрелочный выстрел из шестидюймовки. Снаряд лег недолетом в 2 кабельтова, но через несколько минут дистанция была нащупана, и русский крейсер загрохотал всем бортом. Японцы стали энергично отвечать, но преимущество русских было поистине «раздавливающим»: против двух восьмидюймовых пушек «Баяна» и пяти шестидюймовых в бортовом залпе «Отова» мог отвечать из двух шестидюймовых и трех стодвадцатимиллиметровых. Первая кровь пролилась, конечно, на японском корабле: шестидюймовый снаряд попал в правое крыло мостика – были убиты штурман Коноэ и два матроса, еще трое получили ранения.

Принято считать, что русские снаряды времен той войны были никуда не годны; действительно, они довольно часто не взрывались, зато японские фугасы давали при взрыве большое количество мелких осколков и поражали большое количество людей. Все это так. Шимозные снаряды японцев взрывались очень эффектно, давая много огня и дыма, вызывая пожары, но... Если русский пироксилиновый снаряд все же взрывался, то его взрыв, дававший крупные осколки, убивал в среднем больше моряков противника, чем взрыв снаряда, снаряженного шимозой. Разница была приблизительно как между выстрелами картечью и дробью.

Следующим снарядом на «Отове» было уничтожено стодвадцатимиллиметровое орудие со всем расчетом. Еще два снаряда, не взорвавшись, пробили одну среднюю трубу, а другой прошел навывлет оба борта в носу и взорвался над морем. Но японский крейсер был все еще вполне боеспособен и энергично отвечал на огонь русских. Однако первое же попадание восьмидюймового снаряда привело к трагической для японцев цепи событий. Этот снаряд тоже не взорвался, но он перебил трубу, в которой были проложены все рулевые приводы. Крейсер потерял управление, и его неудержимо покатило вправо, на русских.

– Федор Николаевич! Японец идет на таран! – закричал в боевой рубке «Баяна» штурман.

– Вряд ли. Арима хоть и самурай, но не сумасшедший, чтобы с двадцати пяти кабельтовых пытаться протаранить неповрежденный крейсер. У них что-то с управлением. Воспользуемся. Беглый огонь всей артиллерией! Противоминной тоже!

Это называется анфиладным огнем. Противник бьет по тебе всем бортом, когда ты обращен к нему носом или кормой. И при точности огня в плюс-минус пятьдесят метров по дальности (а именно она и была всегда главной проблемой артиллеристов) твой корабль все равно получает попадания. Шквал смерти прошел по палубе «Отовы».

Сначала шестидюймовый снаряд (опять без разрыва) проделал аккуратное отверстие в носу, в метре над ватерлинией, куда тут же начали захлестывать волны, другой привел в невосстановимое состояние носовую шестидюймовку, а восьмидюймовый фугас разорвался среди пушек на палубе правого борта, выведя из строя два орудия и более полутора десятков человек. От очередного попадания рухнула третья труба. На японском крейсере стали разгораться пожары.

В артиллерийском бою, особенно на море, существует понятие «обратная связь». Чем большее преимущество имеет один из противников, тем сильнее, при прочих равных, это преимущество будет нарастать. Если у тебя меньше пушек, то ты будешь наносить противнику меньший вред, чем он тебе, значит, количество твоих пушек будет уменьшаться с течением времени сильнее, чем у врага, а значит, относительная эффективность его огня будет возрастать, а твоего падать. Поединок «Отовы» и «Баяна» был яркой иллюстрацией этому правилу. «Баян» получил за все время боя пока только три попадания, два снаряда из трех разорвались на броневом поясе, не причинив вреда крейсеру, а один, пробив небронированный борт в корме, разрушил одну из офицерских кают.

А «Отове» приходилось несладко. Хоть она и развернулась ранее не стрелявшим левым бортом и могла отвечать из трех стодвадцатимиллиметровых и одной шестидюймовой пушек, но падение скорости из-за пробоины в носу и сбитой трубы было столь серьезным, что «Баян» имел возможность, постоянно держа японца под обстрелом, пройти у него под кормой и еще раз обработать продольным огнем, что, конечно, не добавило «здоровья» японскому крейсеру.

Соймонов видел, что японский крейсер уже в безнадежном положении, артиллерия практически выбита и осталось совсем немного, чтобы доломать его до конца. Но ведь артиллерией это будут делать еще ой как долго. Сколько можно быть фактически наблюдателем боя? Но ведь японцы собирались нарушить международное право совершенно вопиющим образом! А мы должны соблюдать каждую дурацкую букву этого дурацкого закона? Да гори оно все!

– Владимир Николаевич, родной! Давай самый полный! – прокричал мичман в машинное. – Идем в атаку. Готовить минный аппарат к выстрелу!

«Сердитый», набирая ход, стал уходить с внешнего рейда, юридической акватории порта Шанхай и нацеливался на японский крейсер.

«Еще минут пять-десять, и можно будет пускать мину. Только бы не подбили. Только бы попасть!»

Японцы заметили маневр миноносца и застучали выстрелами в его направлении. Всплески их снарядов ложились все ближе.

«Только бы успеть! А там пусть хоть топят!»

– Вашбродь! С «Баяна» сигналият: «Немедленно вернуться в порт. Не мешать стрелять».

«Сорвалось!» – с обидой подумал мичман. – Право на борт! Вернуться на рейд.

– Федор Николаевич! «Сердитый» выходит в атаку на японца, – доложил Иванову мичман Шевелев. – Лихо!

– Что-о-о! – взревел командир «Баяна». – Мальчишка! Всех японцев сам перетопить решил, что ли?! Немедленно вернуть его в порт! Получит он у меня потом!

Некогда изящный японский крейсер медленно, но верно превращался в пылающую развалину, с трудом ковылявшую по волнам. Уже рухнула вторая труба, одна за другой замолкали пушки, вспыхивали все новые пожары, ход упал до восьми узлов. Было понятно, что еще полчаса такого откровенного избиения и «Отова» отправится на дно.

«Баян» прекратил огонь, и на его мачте загорелся флажный сигнал: «Восхищен вашим мужеством! Предлагаю сдаться или затопиться. В порт не пушу. В случае затопления гарантирую спасение людей».

Ответом был выстрел единственной уцелевшей стодвадцатимиллиметровой пушки. По иронии судьбы, именно этот снаряд натворил на «Баяне» бед больше, чем все предыдущие: пробив фальшборт, он разорвался между двумя противоминными орудиями, выведя из строя одну из малокалиберных пушек и начисто выкосив оба расчета, причем один из них – прямо через проем, временно оставленный во вновь установленном каземате для подноски снарядов.

Без всякой команды на открытие огня русские орудия заговорили вновь. Раз за разом по борту «Баяна» пробегали цепочки вспышек орудийных выстрелов.

Море вокруг крейсера японцев кипело от всплесков, и очень скоро «Отова» стал садиться носом, медленно заваливаясь на левый борт.

– Задробить стрельбу! Беречь снаряды! – кричал Иванов. – Лейтенант Де Ливрон, прекратите, наконец, эту вакханалию!

Капитан первого ранга Арима был некурящим, поэтому стоял на покореженном мостике тонущего крейсера без классической в таком случае сигары и даже без папироски.

– Господин капитан! – подбежал к командиру крейсера Суга. – Шлюпка осталась только одна, идемте скорее, ваша жизнь еще нужна империи. Скорее, «Отова» скоро перевернется.

– Портрет императора в шлюпке? – невозмутимо спросил Арима.

– К нашему горю, в кают-компании до сих пор пожар, портрет нашего императора сгорел. Идемте в шлюпку.

– Идите, Суга. Вон выходит английская канонерка, постарайтесь, чтобы весь спасшийся экипаж попал на нее. Думаю, наши друзья-англичане не будут настаивать на интернировании. Пусть интернируют раненых, а остальные найдут способ вернуться на родину и продолжить войну. Идите! Я остаюсь.

Шлюпка медленно отходила от борта, вокруг плавало еще несколько десятков спасающихся японских моряков. Суга охрип, крича, чтобы находившиеся в воде отплывали дальше от борта тонущего корабля. Но тщетно. Даже когда «Отова» перевернулся, многие полезли на его днище, предпочитая хоть временную, но твердую опору под ногами. И когда корабль пошел ко дну, их, конечно же, затянуло водоворотом.

Английская канонерка за кабельтов стала спускать шлюпки, и brave англичане махом преодолели это расстояние. Кроме тех двух офицеров и шестнадцати матросов, которые находились в шлюпке с утонувшего крейсера, из воды было спасено еще сорок семь матросов и три офицера.

– Ну все, – выдохнул Иванов, глядя, как англичане начинают спасение японского экипажа. – В море. Передать на «Сердитый», чтобы следовал за нами. Чёрт! Как только отойдём миль на сорок, вызвать ко мне этого сопляка Соймонова, я ему вставлю такой фитиль, что морские черти позавидуют! Нет, ну надо же! Говорят: «шило в заднице». Так у него там

целый кактус! Засвербило ему, понимаешь! Благо, если за границу территориальных вод не вышел. Хотя, если даже и не вышел – англичане в прессе запросто историю о нарушении морского права раздуют. Ох и получит он у меня!

– Федор Николаевич, – пряча глаза, обратился к каперангу старший офицер крейсера Попов. – Тут такое дело... Во время боя... На последних минутах... – продолжал Попов, – погиб мичман Соймонов... Петр Михайлович... Брат...

Лицо командира «Баяна» помертвело:

– Надо же так... И именно Петя... Ведь они вчера на катере встретились, даже поговорить толком не успели...

– Да, – Попов вздохнул, – совсем мальчик еще.

– Мужчина, Андрей Андреевич, офицер. И погиб в бою за Россию. Вечная ему память. Передайте на «Сердитый». Какие еще у нас потери?

– Убито семеро матросов и девять ранено, из них двое тяжело.

– Да уж, натворил делов этот последний снаряд. Похороним всех завтра утром, в море. Предупредите батюшку. Курс на Сайгон.

Письмо мичмана Василия Соймонова

Дорогая моя Оленька!

Глубоко осевший в почти пресной воде миноносец увозит нас прочь из китайского Шанхая, но мое сердце, как всегда, там, на другом краю Земли, у совсем другой реки и рядом с единственной для меня девушкой на свете...

Оленька, как много случилось за сегодняшний день! Еще утром, получив из Петербурга страшно разозливший меня приказ интернировать, я был уверен, что мы застрянем здесь, в Шанхае, до самого конца войны, и утешало меня только то, что теперь, наконец, и я смогу получать твои письма. Но стоило мне вернуться из консульства, как бункеровавшийся здесь японский крейсер, который оказался едва вступившей в строй «Отовой», прислал ультиматум, привычно наплевав на китайский нейтралитет и грозя потопить наш корабль прямо в порту, если мы немедленно не сдадимся! Я уж, было, мысленно попрощался с этим светом, снова попросив у тебя прощения и ожидая нападения немедленно, как прикажу открыть кингстоны... Но тут, не иначе как вмешательством свыше, в порт вошел катер с прибывшего на рейд «Баяна»!

Японцы, которые дольше не могли находиться в порту без интернирования и не имевшие теперь возможности игнорировать международные правила, пошли на бой, где и были примерно наказаны «Баяном» за свое утреннее вероломство. Мы были рядом, но в битве участия не принимали, так как по международным законам не имели права, зайдя в порт позже «Отовы», затем преследовать ее. Но «Баян» и без нас утопил японца. Страшно было представить, что творилось на их маленьком крейсере, когда его ломали русские снаряды – ужасное зрелище. Но это война – они бы нас тоже не пощадили.

На катере я встретил моего младшего брата Петра, служащего на «Баяне», однако не имел времени перекинуться с ним и парой слов. Одно радует, что он жив и, кажется, здоров.

Еще к нам на «Сердитый» с крейсера прислали нового вахтенного офицера, так что теперь у меня, наконец, появилась возможность написать тебе это письмо.

Сейчас мы снова в море. Спереди – невозмутимо рассекает тараном волны красавец «Баян», позади – исчезает последняя полоска китайского

берега, и теперь наш путь лежит в открытый океан – туда, где нас ждет русский флот, туда, где мы сейчас нужнее всего.

А я – как всегда, живу только нашей будущей встречей.

Твой В. С.

P.S. С «Баяна» мне только что передали, что Петр погиб во время боя. А я так и не смог с ним поговорить! Надеюсь, Господь будет милостив к душе новопреставленного воина Петра, положившего жизнь за своих близких. Прости, сейчас больше не могу писать.

Твой В. С.

На следующее утро Василий прибыл на «Баян», чтобы проводить в последний путь младшего брата. Океан был на удивление спокоен для осени.

На палубе крейсера лежало девять зашитых в парусину тел.

Команда была выстроена на палубе. Судовой священник, махая кадилом, читал отходную молитву. Солнце, все еще ласковое в этих широтах в конце сентября, освещало обнаженные головы матросов и офицеров.

«Ве-е-ечная паамять!» – пел хор матросов, специально отобранных для церемонии.

«... и в землю отыдеши, яко земля есть», – закончил священник панихиду.

– Накройсь! – скомандовал вахтенный офицер, руководивший церемонией. – Слушай на караул!

Офицеры вскинули палаши, подразделение матросов подняло вверх винтовки. Ударил залп. Под звуки траурного марша офицеры крейсера подняли на руки останки Петра Соимонова. Пронесли до борта. Плеснула вода... Затем волнам были преданы тела погибших матросов.

После похорон Иванов пригласил мичмана к себе в салон.

– Еще раз выражаю вам свои самые искренние соболезнования, Василий Михайлович, но у меня к вам разговор сугубо служебный. Вы можете говорить сейчас или перенесем его на более позднее время?

– Конечно, могу, господин капитан первого ранга.

– Оставьте. Обращайтесь ко мне по имени-отчеству. Так вот. Разговор неприятный. Вчера вы грубо нарушили приказ, пытаясь ввязаться в бой. Почему? Так захотелось в очередной раз отличиться?

– Нет, Федор Николаевич. Честно говоря, сам не знаю, как это получилось. Просто увидел, что японца можно быстро добить и закончить затягивающийся бой. Клянусь честью – о наградах не думал. Понимаю теперь, что поступил неосмотрительно... Не по-взрослому, что ли. Поддался порыву...

– Именно. Именно не по-взрослому. Вы, несмотря на свой возраст, все-таки офицер, к тому же волею судьбы командир пусть небольшого, но боевого корабля. И должны действовать, опираясь не на эмоции, а на здравый смысл. Уметь просчитывать последствия своих поступков для себя, подчинённых вам людей и даже для страны, флаг которой развевается на вашем корабле.

Я не могу не указать в рапорте адмиралу о вашем поступке, но, надеюсь, он поймет, почему вы действовали именно так. Идите, Василий Михайлович. И отдохните сегодня, благо на миноносце есть теперь кому подменить вас на мостике. И вот еще... Возьмите это.

Иванов протянул Василию листок бумаги, на котором были записаны координаты «могилы» его брата.

Сайгон

Когда до Сайгона оставалась сотня миль, в каюту Соймонова постучал механик.

– Заходи, Володя. Что скажешь?

– Отвоевался наш «Сердитый», Василий. Тебе конкретно рассказать или на слово поверишь?

– Что такое? – нахмурился мичман.

– Ну, вкратце: если до Сайгона доползем, то уже хорошо. Я уже попросил передать на «Баян», что больше десяти узлов дать не можем. Сайгон – наша последняя стоянка в этой войне. Ну сам вспомни, как в Артуре регулярно механизмы из строя выходили, а мы ведь только по окрестностям бегали. А тут сколько отмахали... Да еще зачастую с форсировкой. Неделя-две на ремонт необходимы. А кто их нам даст?

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Увы. Даже будь у меня запчасти – все равно нужны работы в мастерских.

На следующие сутки отряд прибыл в Сайгон, где «Сердитый» был интернирован, а его офицеры и большая часть матросов перешли на «Баян». Хотя полноценным «разоружением» это назвать было нельзя: все четыре пушки миноносца демонтировали и вместе с боезапасом и оружием экипажа переправили на крейсер. Из оружия на «Сердитом» остался только минный аппарат и две мины к нему. Вопросы интернирования были переложены на князя Ливена, командира уже разоруженной здесь «Дианы». Иванов, побывав в консульстве, вернулся на борт с почтой из Петербурга, и крейсер, забункеровавшись, взял курс на точку randevu с эскадрой.

Письмо мичмана Соймонова

Дорогая, любимая моя Оленька!

Не таким уж и долгим оказался наш океанский поход. Были две погрузки угля в открытом море, были досмотры встретившихся пароходов на предмет военной контрабанды и был океан, почти такой же безграничный и бездонный, как наполнявшее меня все эти дни ощущение океана неистраченной любви, которое так хотелось донести до тебя, невзирая на все расстояния. Сам я твоими молитвами жив и здоров, но вчера у нас в машине случилась серьезная поломка, и теперь корабль требует срочного ремонта. Механик клянется, что даже в оборудованном порту работа займет не меньше двух недель, и мы уже сутки медленно ползем в Сайгон, где мне придется оставить старого товарища «Сердитого» на попечение нашего старшего механика и экипажа интернированной там же «Дианы». Мы же с матросами пока заменим на «Баяне» тех, кого пришлось отправить с захваченным «Баяном» еще до Шанхая контрабандистом с военными грузами, которые были сочтены достаточно ценными, чтобы быть отправленными во Владивосток.

Очень-очень жду нашей встречи, чтобы снова затеряться в глубине океана твоих глаз и снова увидеть на нашей грешной земле кусочек настоящей, небесной красоты – самую-самую лучшую девушку на свете!

Из французского Сайгона,

Навеки твой,

В. С.

Владивосток, 30 сентября 1904 года

С самого утра командир броненосного крейсера «Громобой» Дабич был в замечательном настроении – сегодня корабль впервые после двухмесячного ремонта должен был выйти

в море, а отряд артурских броненосцев, похоже, окончательно сбежал из-под носа у японцев... Благодушное настроение, казалось, было и у всего крейсера – не особо напрягаясь, он прошел по положенному маршруту и к вечеру благополучно вернулся в порт.

Капитан так и не узнал, что будь его настроение не столь замечательным, и стоило бы случиться той редкой цепочке случайностей, что произошла в реальной жизни... Чрезмерно лихой маневр у единственной на все побережье неогороженной банки Клыкова в заливе Посьет закончился бы для «Громобоя» четырьмя месяцами в сухом доке, а для выкинутого на это время из того же дока и залатанного буквально на живую нитку крейсера «Богатырь» – и вовсе вступлением в строй уже после войны.

Теперь же чуть не погибший весной на скалах «Богатырь» остался в доке, и рабочие спокойно продолжили укреплять его новое, в основном деревянное, днище. По удивительному совпадению основные работы по корпусу были завершены (едва ли возможное в наше время дело!) 1 января по новому стилю, как раз в день памяти святого Илии Муромца, у которого нижняя часть тела, как известно, тоже была единственным слабым местом.

Бухта... в Зондском архипелаге

– Заходи, Федор Николаевич, рассказывай, – пригласил Вирен в свой салон Иванова, которого встретил еще у трапа. – У нас ведь информации никакой, боимся в голландские порты заходить. По безлюдным бухтам околачиваемся.

– Если о нас спрашиваете, Роберт Николаевич, то очень неплохо. Около Шанхая потопили «Отову»...

– Ого! Приятная новость, а как все было?

– Роберт Николаевич, я все подробно в рапорте написал. Конечно, потом расскажу за коньячком в красках, – улыбнулся Иванов. – Давайте уж сначала с официальнойщиной закончим, а?

– Конечно, конечно, но неужели рассказать больше не о чем? Как миноносцы наши?

– Четыре, если верить газетам, вернулись в Артур, два интернировались в Чифу. А один... Ну это отдельный разговор. В Сайгоне он остался.

– В Сайгоне??? Да как его туда занесло? Что за миноносец?

– «Сердитый».

– Ай да Александр Васильевич! Всегда считал его незаурядным офицером! Но чтобы так!

– Колчак был тяжело ранен еще при прорыве. Все остальное время «Сердитым» командовал мичманец. Соймонов Василий Михайлович. И... Держитесь за кресло – утопил миной японский истребитель.

– Миной? Подбитый?

– Нет, Роберт Николаевич. Подбитый миноносец они еще при живом-здоровом Колчаке артиллерией добились. А вот уже после его ранения за «Сердитым» два японских истребителя увязались. По ним на полном ходу выстрелили минами и попали. Случайность, конечно, – уточнил свое отношение к случившемуся донельзя довольный рассказываемой историей каперанг. – Но факт! И командовал «Сердитым» самый младший из офицеров – мичман Соймонов. Я его на «Баян» забрал вместе с механиком, когда миноносец в Сайгоне из-за поломки разоружился. Очень горячий молодой человек, чуть в неприятности нас в Шанхае не втравил. Я об этом тоже в рапорте написал. Вы уж в случае чего не очень строго с ним, такие сейчас нужны – война ведь... – И, вмиг погрузившись, продолжил: – К тому же у меня на крейсере в бою его брат погиб.

– Подождите... Петя?! Господи! Ведь только в мае мы его с двадцатилетием поздравляли. Как его?

– Последним снарядом. «Отова» уже тонул. И восемь матросов с ним вместе.

Вирен молча встал с кресла, подшел к буфету и наполнил два стакана:

– Помянем раба божьего Петра, Федор Николаевич.

Выпили не закусив и десяток секунд помолчали.

– Ладно, идите к себе на крейсер. Завтра Соймонова пришлите ко мне к полудню. Лейтенант Остелецкий сломал руку во время прорыва. Отправим этого мичмана на «Пересвет».

Через час Вирен вызвал вахтенного офицера и приказал: «Передать по всем кораблям эскадры следующее...»

Еще через несколько минут сигнальщики на крейсерах и броненосцах протянули командирам кораблей довольно странный приказ адмирала: «Выяснить, кто из состава команд является по специальности гравёрами, чеканщиками, стеклоvarами. К 18.00 доставить этих специалистов на «Ретвизан»

Из наградных списков, полученных адмиралом Виреном

За отвагу и мужество, проявленные при прорыве порт-артурской эскадры и в последующих боях, наградить:

1. Контр-адмирала Вирена Роберта Николаевича

Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени и званием контр-адмирала свиты его величества.

2. Контр-адмирала Ухтомского Павла Петровича

Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

3. Капитана 1-го ранга Эссена Николая Оттовича

Орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами.

4. Капитана 1-го ранга Щенсновича Эдуарда Николаевича

Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

5. Капитана 1-го ранга Успенского Ивана Петровича

Золотым оружием «За храбрость».

6. Капитана 1-го ранга Зацаренного Василия Максимовича

Золотым оружием «За храбрость».

7. Капитана 1-го ранга Иванова Федора Николаевича

Орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами и званием флигель-адъютанта.

8. Капитана 1-го ранга Сарнавского Владимира Симоновича

Золотым оружием «За храбрость».

...

...

27. Мичмана Соймонова Василия Михайловича

Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и производством в чин лейтенанта.

10.10.1904. Борт «Ретвизана»

С утра Соймонов, в соответствии с полученными вчера указаниями, приготовился к визиту на флагманский броненосец. Вместе с ним в катер спустились Иванов, Попов, Подгурский и Роднин. Все, так же как и он, в треуголках и при палахах. На борту «Ретвизана»

явно должно было произойти что-то очень серьезное. К тому же и с других кораблей потянулись катера в том же направлении.

В одиннадцать часов на палубе «Ретвизана» выстроились около тридцати офицеров. Когда отгремел корабельный оркестр и адмирал Вирен стал зачитывать указ императора о награждениях офицеров, мысли Василия просто понеслись, обгоняя друг друга: «Не может быть! Мой первый орден! Какой? Станислав? Анна? С мечами же! Если не «клюква», конечно...»

... – Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия четвертой степени и производством в чин лейтенанта, – прозвучал скрипучий голос адмирала.

– Иди! – подтолкнул обалдевшего мичмана... то есть уже лейтенанта, Роднин, чуть раньше получивший своего Владимира с мечами.

На ватных ногах вышел из строя Соймонов и получил во вспотевшие руки белый эмалевый крестик на черно-оранжевой ленточке. Знал бы он, что Вирен ему единственному передал настоящую награду, которую снял с одного из своих мундиров, а не скородел, сделанный из латуни за прошедшую ночь, каковые достались остальным сегодняшним кавалерам.

Из всего немалого количества награжденных только четверо получили «Георгия»: два адмирала, капитан первого ранга и... мичман, вернее теперь уже лейтенант.

– Ну, поздравляю, командир! – улыбаясь, протянул руку Роднин, когда оркестр отгремел в честь награжденных и официальная часть закончилась.

– Да ну тебя, Володь! – сквозь слезы выдохнул Василий, обнимая друга. – Да и какой я тебе командир теперь. На «Пересвет» назначили. А тебя?

– «Паллада», там у них один из механиков в лихорадке лежит. Вряд ли выживет.

– Поздравляю, господин лейтенант! – протянул Соймонову руку подошедший Эссен. – Рад получить в подчинение такого офицера. Надеюсь, что назначение на мой броненосец не вызывает у вас неприятия?

– Благодарю за поздравления, господин капитан первого ранга. А служить под вашим началом сочтет честью и удачей любой настоящий офицер. Я очень рад этому назначению.

– Ну что же, приятно слышать, – улыбнулся командир «Пересвета». – Сегодня вернетесь на «Баян», вещи соберете, а завтра к полудню жду вас на броненосце. А сейчас, господа, прошу в кают-компанию – приглашают. Надо хоть слегка отметить наши награды.

Письмо Василию Соймонову

Здравствуй, дорогой мой Василий!

Завтра идем к Добротворским, Леонид Федорович скоро уходит на своем «Олеге» к вам, на Дальний Восток, и я попрошу его передать тебе это письмо, когда вы встретитесь.

Очень редко стали приходить твои письма, но я все понимаю. Очень скучаю по тебе и не могу дождаться, когда закончится эта проклятая война. Сколько горя несет она людям! У Инны Тельской убили жениха в Маньчжурии, я не могу видеть тебя и даже просто тебе писать, а сколько еще будет смертей и разлук! Может, я пишу сумбурно, но я в самом деле очень за тебя волнуюсь теперь. Как это страшно – Сергей Ильницкий был такой веселый, сильный, искрометный... живой. А теперь его нет. Вообще нет. Я просто боюсь подумать, что может не стать тебя. Этого не может быть! Ты обязательно вернешься! Вернешься потому, что я этого хочу, потому, что я тебя жду, потому, что ты не можешь не вернуться! К тому же...

Третьего дня отец пришел со службы какой-то странный, позвал меня к себе в кабинет и говорит: «Знаешь, Ольга, смотрел я награжденные

списки артурской эскадры сегодня... А я ведь Соймонова твоего мямлей считал, был уверен, что карьеры не сделает... Радуйся – лейтенанта он за героизма какие-то получил, да еще и Георгиевский кавалер теперь. Меняет война людей. Молодец Василий! В общем, если живой вернется и не передумает твоей руки просить – я не возражаю.

А я всегда знала, что ты у меня самый сильный и самый смелый. Ты только перед отцом моим робким был.

Ты ведь не передумаешь, Васенька?

Обязательно возвращайся, хороший мой!

Очень жду.

Люблю.

Ольга.

Наконец-то «Паллада» привела из условленной точки randеву два угольщика и транспорт с продовольствием. Пока на всей эскадре шла угольная погрузка, Роберт Николаевич думал о том, что делать дальше. Конечно, придется «посоветоваться» с Ухтомским, но решение нужно принять заранее. Стоять в Зондском архипелаге больше было нельзя. Влажные тропики были очень неудачным местом для длительного пребывания эскадры. Как ни пичкали людей хинином, на эскадре уже более двух десятков человек слегло с лихорадкой. Днища кораблей обрастали ракушкой, что неумолимо вело к падению их скорости. Да и мотание из бухты в бухту, с острова на остров однажды могло кончиться плохо. Длительное пребывание эскадры в этих водах было уже, несомненно, известно Того, и в любой момент можно было дожждаться появления незваных гостей. Вряд ли это были бы броненосцы или даже крейсера, но миноносцы вполне могли засечь место стоянки и ночью атаковать.

Итак, варианты: бухта Ллойда на Бонинском архипелаге. До Токио рукой подать, но связи с метрополией у японцев там нет, лежит в стороне от морских торговых путей, острова практически не заселены, климат хороший. Месяц можно чувствовать там спокойно, но потом начинает становиться опасно. Какой-нибудь абориген до Японии на лодке в порыве патриотизма догребет, и могут начаться серьезные проблемы. Да и поддерживать связь со второй эскадрой, назначить место и время встречи малореально.

Не подходит. Хотя для прорыва во Владивосток место старта идеальное. На будущее можно иметь в виду.

Зондский архипелаг, Филиппины, Окинава, Формоза отпадают по понятным причинам – имеют телеграфную связь с Японией и большую плотность населения, – рассекретят в момент, и можно дожждаться незваных гостей в виде всего японского флота.

Во Владивосток... Заманчиво и реально. Не через Корейский пролив, конечно. Приведа себя в порядок на том же Бонине, пройти вокруг Японии.

А потом что? Того опять разобьет отряды по частям. Нет уж, хватит. С Рождественским надо соединиться обязательно.

Последовать рекомендациям Адмиралтейства и идти на соединение на Мадагаскар? Ох, жалко угля и механизмов. Но, пожалуй, это единственный реальный выход.

Но не просто же так уходить. Вирен прекрасно понимал, что современная война – война в первую очередь финансовая. Проиграет тот, у кого раньше закончатся деньги. Англичане и американцы делали щедрые вливания в экономику Японии, без них ее давно бы свело судорогой банкротства. Но кредиторы зорко следили за состоянием дел на театре военных действий, и все, что там происходило, немедленно отражалось на бирже. Прорыв артурской эскадры, несомненно, серьезно опустил цены на японские акции. Нужно было усугубить ситуацию, дать понять, что доставка товаров в Японию – дело небезопасное. И сейчас имелась такая возможность продемонстрировать это лишний раз.

Необходимо здесь, в местах «насыщенного» судоходства, обозначить наше присутствие. Досматривать суда, идущие на север. Пусть даже ни одного японского груза не поймем – играть на нервах у противника и тех, кто его «подкармливает», тоже немало. Возрастают страховки, а значит, и стоимость фрахтов.

Но надолго этим увлекаться не стоит. Того может рассердиться всерьез и двинуть сюда свои главные силы – благо свои перевозки ему теперь всерьез защищать не от кого. Менее чем за неделю он может быть здесь. И связываться с ним нам пока не с руки. И иметь его «на хвосте» при переходе через океан не хочется, как бы ни была маловероятна встреча. Но дня три-четыре порезвиться в этих местах мы себе позволить можем.

На совещании командиров, несмотря на несколько вялых возражений вначале, решение идти на Мадагаскар было принято единогласно. Наверное, не последнюю роль в этом решении сыграло недавнее награждение. Офицеры стали понимать, что можно получать награды не только за «службизм», но и за решительность. Да и, честно говоря, откровенно обрыдло маяться неизвестностью. Очень хотелось иметь конкретную точку, в которую следует двигаться, будь это Владивосток, Токио или Петербург. Да хоть Сасебо, лишь бы не тупое ожидание.

Все подсознательно стремились скорее перестать находиться в подвешенном состоянии и иметь какую-то конкретную цель.

– Но дверью мы перед уходом из этих вод на прощание хлопнем, – закончил командующий эскадрой. – На три дня устье Малаккского пролива, море севернее и южнее его объявляется «охотничьей территорией». Всем разойтись поодиночке, и прочешем частым гребнем эти воды. Вам будут выданы очередные конверты, которые вскроете после выхода в море. Счастливой охоты, господа!

Глава 2

Счастливой охоты!

Ласковыми эти широты точно не назовешь – пот заливает глаза, одежда прилипает к телу, и вот, – ты уже мечтаешь об искристом снеге, о летящих на Масленицу с горки санках и, конечно, о катке на Таврических прудах, где ты когда-то провел пару часов с любимой девушкой. Да что там, – просто мечтаешь о морозе и о пронизывающем питерском ветре. И перестаешь понимать, как это можно страдать от холода.

Особенно когда обязанности заставляют тебя ковыряться в контактах проводов в душных внутренностях броненосца. А ведь каждый день приходится. Из-за этой чертовой влажности постоянно что-то выходит из строя.

Вызов на мостик Соймонов воспринял как счастливую паузу. Не переодевшись, в пропитанной потом одежде, он прибыл к Эссену за несколько минут и с удовольствием подставлял хоть и жаркому, но ветру свое лицо.

– Василий Михайлович, возглавьте досмотровую партию на этот пароход. У вас двадцать минут, чтобы выглядеть соответственно.

– Слушаюсь, Николай Оттович! Только двадцать минут...

– А и правильно, отправляйтесь как есть, все равно после душа вспотеете, – усмехнулся Эссен. – Меньше возиться и там будете. Отправляйтесь. Исполать вам.

Лейтенант спрыгнул в шлюпку, отходившую к английскому угольщику. Глядя на борт и корабль вообще, Василий отказывался верить, что это чумазое судно принадлежит «Владычице морей».

Капитан «Бьянки» (так называлась эта посуда) был немногим старше Василия и традиционно возмутился «пиратскими» действиями русских. Грузом было три тысячи тонн бездымного кардиффа, порт назначения – Пусан.

– Вы не имеете права нас задерживать, мы везем уголь в нейтральный порт, – пытался возмущаться англичанин.

– Кэптен, это даже не смешно, – усмехнулся Соймонов. – Вы везете боевой уголь в порт, который давно захвачен японцами. Как и вся Корея. Вы в самом деле рассчитываете, что мы пропустим ваш корабль и груз, предназначенный для того, чтобы сгореть в топках японских броненосцев и крейсеров? Вы можете протестовать сколько угодно, но в Пусан ваше судно не попадет. Как и вообще никуда севернее места, где мы имели счастье вас встретить. Я не знаю, что решит призовой суд. Может, вам и удастся получить компенсацию за конфискованный груз, но мне кажется, что даже свой корабль вы уже потеряли.

Англичанин еще попытался повозмущаться ради чести флага, но Соймонов уже перестал обращать на него внимание всерьез:

– Вы можете грозить России самыми страшными карами, но будет так, как я сказал. И если даже предположить, что вы меня убедите – решение принято не мной, а моим командиром. И адмирал, я уверен, примет такое же. Так что не тратьте нервы понапрасну. Ваш уголь сгорит в топках наших кораблей, как бы вам это ни было неприятно, кэптен. «Бьянка» пойдет с нами.

Кроме английского угольщика, «Пересвет» встретил еще двух французов, но их даже останавливать не стали. Портить отношения с Францией сейчас было просто недопустимо.

Еще один англичанин вез восьмидюймовые снаряды в Вейхавэй. И хотя было известно, что это совершенно нехарактерный калибр для британцев, да еще в таких количествах (две тысячи), что стрелять ими в Вейхавэе некому и они совершенно конкретно будут переданы

на японские крейсера, инкриминировать английскому капитану было нечего, и его «Норт Стар» пришлось пропустить.

А вот норвежскую «Валькирию», перевозившую в Чемульпо рельсы и шпалы, отправили на дно с чистой совестью.

В точку randevу русская эскадра в общей сложности привела еще три приза, кроме «Бьянки», захваченной «Пересветом». Один угольщик был призом «Баяна», один захватила «Паллада», но больше всех удивила «Полтава», самый тихоходный из кораблей русской эскадры. Она привела немецкий рефрижератор, везший в Йокосуку мороженые свиные туши. Эскадра была обеспечена свежим мясом надолго.

Кроме того, были утоплены еще три парохода, которые везли в Японию или Корею броневые плиты, хлопок, азотную кислоту, фенол и двадцатимиллиметровые гаубицы.

Охоту можно было считать удавшейся.

Борт броненосца «Микаса»

Первая эскадра шла на юг. Только она. Вторая осталась охранять коммуникации, Катаока со своим антиквариатом продолжал блокаду Порт-Артура, а вот Того, с броненосцами, отрядом адмирала Дева и усиленный крейсерами «Якумо» и «Асама» направлялся разыскивать корабли Вирена в Индонезии. Адмирал несколько не верил в успех экспедиции – слишком обширна была акватория, слишком мало у него кораблей, слишком плохо налажена передача информации в этом архипелаге. Шансы околонулевые, но обозначить, симитировать «бурную деятельность» после фиаско под Порт-Артуром было необходимо. Ни император, ни министры, ни армия, ни народ не поймут, почему флот, упустивший врага, будет сидеть сложа руки.

А шансы найти русских почти никакие. Всего шесть крейсеров-разведчиков (кроме отряда Дева удалось прихватить с собой «Суму» и «Акаси») для поисков на такой огромной площади океана в мешанине островов. Вспомогательные крейсера Того взять с собой даже не пытался – отвлекать от перевозок на материк такие вместительные корабли можно было только в самом крайнем случае. Ведь они только номинально числились вспомогательными крейсерами, на самом деле их использовали как войсковые транспорты.

Неделя поисков, как и ожидалось, не дала каких-нибудь результатов, но на шестой день Того узнал о «бесчинствах», которые творили русские в Малаккском проливе. Стало совершенно ясно, что Вирен со своими кораблями уходит через океан, навстречу балтийской эскадре. Встал вопрос о дальнейших действиях японского флота.

– Ты меня звал, Хейхати-ро? – В каюту командующего зашел начальник штаба адмирал Като.

– Заходи, Томособуро, садись. Есть разговор.

– Слушаю. – Като присел на указанное кресло.

– Давай-ка сыграем. Побудь, как это делали раньше в Европе, «адвокатом дьявола». Я тебе расскажу о своих планах, а ты их должен безжалостно раскритиковать. А?

– Я знаю, кто такой «адвокат дьявола». Ну давай, попробуем. Начинай.

– Позиция первая: если Вирен соединится с Рождественским, то объединенные силы русских будут сильнее нас.

– Согласен.

– Значит, желательно разбить их по частям.

– Очень желательно. А как?

– Вариант первый: если верить разведке, то часть кораблей балтийской эскадры должна пройти Средиземным и Красным морями. Мы можем сделать рейд через Индийский океан и успеть перехватить их возле Адена. С нашими силами мы легко их разгромим. Так? Что скажешь?

– То есть я начинаю играть за русских? Ну изволь. Эти планы явно составлялись без расчета того, что мы сейчас будем в Индонезии. А русским этот факт известен, можно не сомневаться. Нужно быть круглым идиотом, чтобы не продумать ситуацию, которую ты озвучил. Русские просто пойдут все вместе вокруг мыса Доброй Надежды. А есть еще более интересный вариант. Часть русской эскадры проходит Гибралтар, нам об этом любезно сообщают англичане, мы стартуем через океан, русские же через пару дней выходят обратно в Атлантику и соединяются где-нибудь в Дакаре. А мы, надрывая машины и измучивая людей, торопимся ограниченными силами к Адену. И только там узнаем, что ждать тут некого. Я бы на месте русских так и поступил. Твой ход.

– Да, ты прав. Мне просто нужно было услышать то же самое, о чем думаю я, из уст другого, грамотного в нашем деле человека. Продолжаем. А если попробовать поймать эскадру Вирена? Он уходит. Уходит через океан. Явно на Мадагаскар...

– Уверен?

– Почти.

– Ах почти... Ну ладно, продолжай.

– Ну тут все ясно: они становятся на якорь, чинятся, грузятся. И явно настроены на длительное ожидание балтийцев. А тут мы. Уж артурскую эскадру мы разобьем наверняка. И вырвем этот главный козырь из рук русских.

– Ты уверен, что Вирен, придя на Мадагаскар, не узнает, что мы вышли следом? Мы можем как угодно стараться соблюдать скрытность, но нет абсолютной гарантии, что с какой-нибудь лодки не разглядели наш выход следом за Виреном. Далее. Ты готов выйти всей эскадрой немедленно? Можешь не отвечать – знаю, что нет. Нужен уголь и нужны угольщики. Это неделя минимум. И потом мы поползем со скоростью самого медленного угольщика при эскадре. Через океан поползем, черт побери! А то, что треть нашего флота океанскую волну держит очень неважно, ты учел? Вспомни «Унеби». Только по дороге туда пару кораблей можем потерять. Теперь «там». Бой у Шантунга помнишь? Помнишь, что «Микаса» не утонул только благодаря штилю, когда у него отвалилась броневая плита? А у русских будет лишь на один броненосец меньше. Ладно, перетопим мы их, но пару броненосцев или броненосных крейсеров ты обратно до Японии точно не доведешь. А то, что доведешь, будет с совершенно убитыми машинами. Обвальным выход из строя почти всей механической части. Рождественский при этом, со своими восемью броненосцами, будет висеть у нас на плечах. Ведь наше главное преимущество в бою с ним – скорость, вот ее-то как раз у нас и не будет после такой экспедиции.

– А если Вирен будет уверен, что мы возвращаемся отсюда в Японию?

– Ну и как ты это организуешь? Телеграф раскинулся по всему миру. И я бы на его месте не поверил в наше возвращение, если по дороге отсюда наши корабли не зашли бы ни в один порт.

К тому же у тебя есть стопроцентная гарантия, что Вирен идет именно на Мадагаскар? А если в Занзибар? А если вообще в Кейптаун? Или у них с балтийцами назначена точка randevu где-то еще? Мы «прогуляемся» через океан, никого не найдем, и придется возвращаться, как говорят русские, «несолоно хлебавши». В общем – авантюра с любой точки зрения. Мы не в казино, Хейхатино, чтобы делать такие бездумные ставки.

– Спасибо. Ты сказал именно то, что я и ожидал услышать. Идем домой. Чинимся. Готовимся. Ждем. И пусть меня хоть разжалуют, но нам нужно встретить русских у наших берегов. Сильными, свежими, подготовленными.

Глава 3

Индийский океан

Чтобы получить дополнительных пару узлов скорости и сэкономить уголь, эскадра прошла Яванским морем и к Мадагаскару отправилась с попутным Южным Пассатным течением. Даже с учетом небольшого крюка в пути, несколько тысяч тонн экономии это приносило. К тому же поймали и прихватили с собой еще один угольщик из Австралии, направившийся в Нагасаки.

Индийский океан встретил если не штормом, то очень сильным свежаком. Броненосцы валяло с борта на борт так, что даже у бывалых моряков ком начинал подкатывать к горлу. И так почти двое суток. На завтрак, обед и ужин в кают-компания «Пересвета» собирались далеко не все офицеры. Отец Вениамин так вообще не поднялся к общему табльдоту ни разу, хотя свои службы ежедневно в корабельной церкви проводил. Юные мичмана сперва подшучивали по его поводу, но ежедневно видели, что несмотря ни на что корабельный священник, пусть и с лицом нежно-зелёного цвета, проводит молитвы в соответствии с расписанием. Это вызывало уважение.

Груз «Бьянки» был первым распределен по кораблям. Старались как можно меньше износить механизмы на переходе через океан и использовали для этого самый качественный уголь. Сам угольщик был отпущен в Коломбо.

Соймонов, свободный от вахты, лежал на койке в своей каюте и очередной раз не отрываясь смотрел на мундир с белым крестиком на оранжево-черной ленте: «Я Георгиевский кавалер! Не может быть, не верю. Самая почетная награда офицера на моей груди. А ведь за что? Ну не ранило бы Александра Васильевича, не попади дуриком мина в японский истребитель, и был бы я все тем же заурядным мичманом. Да и был бы? Утопили бы нас японцы за милую душу. Как много на войне и в судьбе решает случайность...»

Теперь еще сильнее хотелось уцелеть в этой войне, приехать домой, в Петербург, пройти под руку с Оленькой по улицам, которые были родными и близкими. Почувствовать восхищенные взгляды прохожих. Побывать в гостях у знакомых в разной степени людей. Как хотелось дожить до всего этого!

Лейтенант встал с койки и подошел к иллюминатору. Господи! С севера наплывали множество дымов, через небольшой кругляшок «корабельного окна» не было возможности рассмотреть количество всех судов, но их явно было больше десятка.

Тревоги объявлено не было, но все равно это было так необычно, что Василий, накинув китель и прихватив бинокль, вышел из каюты и поднялся на верхнюю палубу. На ней у правого борта уже стояло несколько офицеров.

– Что случилось, господа? – спросил Соймонов, подходя к фальшборту.

– Кажется, Того, – ответил мичман Витгефт. – Как он нас выследить умудрился?

Вскинув бинокль к глазам, Василий действительно увидел очень знакомые силуэты: «Микаса», «Асахи», «Сикисима», «Фудзи», «Ясима» (значит, не утонул все-таки, починили, сволочи), крейсера... Все главные силы японцев, пользуясь преимуществом в скорости, неумолимо настигали русскую эскадру. Уже заорали горны и загрохотали барабаны, призывая всех на места, и офицеры стали разбегаться по своим постам согласно боевому расписанию.

«Но ведь этого не может быть! – упорно билось в голове лейтенанта. – Как Того бросил свои коммуникации и всеми силами бросился искать нас в открытом океане за тысячи миль от берегов Японии? Найти иголку в стоге сена значительно легче».

Но факт оставался фактом. Уже загрохотали пристрелочные выстрелы японцев, уже стали подниматься фонтаны воды в местах падения их снарядов. Всплески неумолимо приближались к борту «Пересвета».

«Странно, – подумал Василий, – при ударе об воду уже не разрываются. Или они тоже решили перейти на бронебойные?»

И вот уже накрытия. Снаряды гулко застучали по броне, но опять почему-то без разрывов...

– Ваше благородие! – кричал вестовой, колотя в дверь лейтенантской каюты. – Вас командир на мостик просят!

Соймонов ошарашенно приподнялся и сел в койке: «Надо же такой ахинеи при-
сниться!»

– Сейчас буду!

«Только что бежал по этим трапам во сне», – усмехнулся про себя Василий, поднимаясь на палубу. Погодка была приятной. Жарковато, конечно, но ветерок освежал достаточно чувствительно.

Поднявшись на мостик, Соймонов козырнул командиру корабля и доложил о прибытии.

– Василий Михайлович, адмирал сегодня планирует провести ночную тренировку по отбитию минной атаки, озаботьтесь, голубчик, чтобы прожекторы не подвели, проверьте, пожалуйста.

– Конечно, Николай Оттович, не беспокойтесь. Разрешите идти?

– Нет. После обеда. Сейчас сниму пробу, потом вам в кают-компанию, ну а после займитесь. Вам же только проверить. Сколько я помню, прожекторы не ломались, просто чтобы подстраховаться. Что-то выглядите неважно. Вы здоровы?

– Все в порядке, просто уснул. Сам не заметил как. А тут срочный вызов, – смущенно улыбнулся лейтенант.

А обед сегодня был...

Давно уже за кормой корабля следовали стаи акул. Регулярно выбрасываемые пищевые отходы очень этому способствовали. Хотелось надеяться, что груз, привязанный к мешку с недавно умершим машинистом, достаточно быстро утащил его на глубину и он не стал «кормить рыб» в буквальном смысле.

Корабельный кок со знаковой фамилией Перец за время службы в Артуре многому научился у китайцев в плане кулинарии. И как-то у фитиля (место для курения на баке) высказал идею... Матросы Пушняков и Дубин, бывшие рыбаки, этой идеей здорово загорелись... Выпросив у боцмана несколько метров стального троса, изготовив в мастерской подходящих размеров крюк, соединив всю конструкцию с канатом и насадив «сэкономленный» коком кусок некондиционного мяса, с утра «отправились на рыбалку», сбросив приманку с кормы. Двухсоткилограммовая акула-молот «клюнула» почти сразу, правда, на трофей такого размера никто из рыболовов не рассчитывал. Чтобы вытащить это чудище, пришлось звать на помощь с десятков человек, находившихся поблизости. После сорока минут «борьбы броненосца с рыбой» победил броненосец. Акулу, подцепив баграми, вытащили на палубу. Ну а уж Перец к обеду расстарался...

Эссен, пробуя суп для команды из общего котла, удивленно поднял брови. Зачерпнул еще ложку.

– А отнеси-ка ты мне, братец, в салон всю тарелку, – совершенно неожиданно попросил он кока. Обычно командир только пробовал пару ложек и одобрял еду к раздаче, а тут...

– Николай Оттович, мы с офицерами хотели сегодня пригласить вас на обед в кают-компанию, – шепнул на ухо Эссену старший офицер «Пересвета» Дмитриев. – У мичмана Витгефта день рождения, не откажите.

– Ну если наш кок для офицеров приготовил обед не хуже, чем для команды, – усмехнулся командир броненосца, – то приду с удовольствием.

Для офицеров был приготовлен суп из плавников акулы, кроме того, паштет из ее печени на закуску. На второе были отбивные из трофейной свинины с ананасовым соусом и рисом. Давно офицеры броненосца не обедали с таким удовольствием. Даже корабельный священник, не так давно отошедший от «желудочной травмы», ел за обе щеки и решился попросить добавки акульего супа.

Учения по отбитию минных атак начались ближе к закату. Паровые катера, которые должны были имитировать вражеские миноносцы, ушли к северу и с заходом солнца стали подбираться к эскадре. Темнеет в экваториальных широтах быстро. Навстречу направлению ожидаемой атаки «миноносцев» вонзились бивни прожекторов и зашарили по водной глади. Со стороны атакующих катеров казалось, что сонм архангелов размахивает огненными мечами, чтобы рассечь их корабли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.